

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Полицейский

«1С-Публишинг»

1996

Хруцкий Э. А.

Полицейский / Э. А. Хруцкий — «1С-Паблишинг»,
1996 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049167-4-2

Романа «Полицейский» рассказывает о леденящих душу криминальных историях Российской империи начала XX века. ...«Этот роман я писал долго, потому как возвращение к истории, оживление давних криминальных реалий – дело очень и очень сложное. В основе книги лежат подлинные факты. Сегодня мы спорим о том, когда в нашей стране появилась организованная преступность. По этому вопросу высказываются различные точки зрения. Изучая исторически материалы, я могу смело сказать, что эта форма противоправной деятельности складывалась в России со дня отмены крепостного права. Что касается моих героев, то они жили в то время, правда носили другие фамилии. Бандитам я оставил подлинные имена и клички...»

ISBN 978-5-6049167-4-2

© Хруцкий Э. А., 1996
© 1С-Паблишинг, 1996

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдуард Хруцкий Полицейский

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

Часть первая

ПАРИЖ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1912 год

Внезапно пришел страх. И был он вполне ощутимым: холодный и липкий. Вновь тот же сон. Удивительно длинный и похожий на раскрашенные дагерротипы.

Черная река Стикс, пустые берега из неведомого камня. И с той, жуткой, стороны приближается лодка. В ней седобородый человек. Харон. Он гонит лодку веслом, бесшумно уходящим в черную воду, как в расплавленную смолу. И нет спасения от него.

Бахтин проснулся, вскочил на кровати, привычно протягивая руку к тумбочке, на которой лежал револьвер. Но не было ни тумбочки, ни револьвера. Да и квартиры на Офицерской улице в Петербурге тоже не было. И сон этот, нелепо страшный, приснился ему в Париже, и сидел он, свесив ноги, на широкой кровати отеля «Королевская охота».

Пять лет назад, когда он не был еще чиновником для поручений Санкт-Петербургской сыскальной полиции, а служил в летучем отряде на Лиговке, в доме Самохина, он и двое городских брали известного громилу Ваньку Рю-тю-тю. Фамилии его никто не знал, и в русском криминальном мире кличка Рю-тю-тю давно заменила Ваньке всё остальное.

Ванька заперся в подвале и угрожающе кричал что-то через дверь.

Городовые были ребята дюжие и дверь высадили мгновенно. Бахтин шагнул в подвал и услышал щелчок. Четкий, металлический, резкий. Ванькин револьвер дал осечку.

Потом, в участке, помощник пристава Саша Трепин, взял в руки револьвер, взвел курок.

– Что же ты, братец, оружия себе подходящего не завел?

Трепин поднял ствол к потолку и нажал на спуск. Выстрел был особенно резок в маленькой комнате, после него еще некоторое время звенело в ушах.

– Повезло вам, ваше благородие. – Один из городских перекрестился и посмотрел на дырку в потолке.

Той же ночью, придя домой, Бахтин снял пальто, сел в передней на кресло и его начала бить противная дрожь.

С той поры ощущение страха возвращалось к нему по ночам и несколько раз приходил один и тот же сон. И видел он лодочника Харона, только вот лица его разобрать не мог.

Господи, почему именно тогда пришел этот совсем ненужный страх? За двенадцать лет службы в сыскальной полиции, случалось и не такое. Подумаешь, невидаль, нанюхавшийся кокаину налетчик с Лиговки.

Бахтин постучал по стене, нащупал выключатель, повернул его.

Над кроватью зажегся кокетливый абажур, напоминающий бело-матовую деталь женского туалета.

Бахтин взял папиросу, закурил. Горячий аромат табака, ворвавшийся в легкие, отозвался дурманом в голове. Но всё же сон этот оставил некое ощущение волнения, переходящее в ожидание какой-то очередной радости.

На тумбочке, рядом с кроватью, лежали его часы. Серебряный «Мозер» с плоской цепочкой. На крышке были выдавлены подкова, лошадиная морда и стек. Бахтин никогда не увлекался бегами, просто в тот день, когда он покупал часы в швейцарском магазине на Невском, это был один из наиболее подходящих рисунков. Он взял часы, нажал на кнопку. Крышка отскочила, и репетир мелодично позвонил три раза. – Господи, всего три часа.

Бахтин налил в высокий стакан воды «Виши», о которой ему говорили, что она очень полезна. Сделал два глотка, поморщился. Вода оказалась солоновато-горькой.

Он встал, вышел в гостиную. В углу, на поставце стояли серебряный сифон и несколько бутылок вина. Они были все откупорены и заткнуты затейливыми серебряными пробками.

Что и говорить, принимали его соответственно. Бахтин, как каждый полицейский чиновник Российской империи, не был избалован почетом и вниманием. Да и вообще испытывал некоторую неловкость за пышную встречу на вокзале, за апартамент этот в гостинице «Королевская охота», за серебряные пробки, за весь этот непонятный комфорт.

Бахтин подошел к поставцу, взял одну бутылку, потом другую. Названия вин не говорили ему ровно ничего.

А вон, наконец, знакомцы. Темного стекла тяжелая бутылка, с сургучной печатью на стенке, с давленной надписью «Порто». Он даже обрадовался, увидев эту бутылку. Так радуются обычно, встретив знакомого человека в чужом городе. Медленно вытащил серебряную пробку, всадника с копьём, втянул чуть сладковатый аромат и налил вино в бокал.

В свете лампы оно заиграло темным рубином. Бахтин поднял бокал и выпил его в два глотка.

Не выпуская бутылку и стакан, он пошел в спальню и сел на кровать. Голубовато-атласная роскошь этой огромной, почти во всю комнату, постели подчеркивала его одиночество и дискомфорт.

Бахтин налил еще полбокала и, подумав, наполнил до краев. Теперь он пил медленно, ощущая крепковатую сладость несравненного португальского портвейна. Он запомнил эту красивую бутылку в гостях у присяжного поверенного Глебова, известного петербургского гурмана и хлебосола. Бахтин только начинал свою службу в полиции и был простым полицейским надзирателем, служившим в летучем отряде.

Но, как ни странно, именно он, зайдя в ночлежку «Слепушку» на Суворовском проспекте, увидел на шее у четырнадцатилетней проститутки Катьки Ломовик бриллиантовое кольцо с изумрудной звездой в центре.

Следствие было коротким. Катька не желала связываться с сыскной, сказала, что камушки эти украла у своего кота, Сережи Послушника. Сережа спал тут же, выпив бутылку ханжи.

Очухался он уже в участке, где после пятиминутного разговора с дежурным околоточным Евграфовым, знаменитым на весь криминальный Петербург своей физической силой, сказал, что спер кольцо в гостинице «Догмара» у неизвестного человека, проживающего в десятом номере.

Через час Бахтин с двумя городовыми взяли в «Догмаре» знаменитого вора-домушника Токарева.

На Офицерской, в здании сыскной полиции, Токарев сознался, что долго высматривал одну пустую квартиру, а когда вскрыл ее, то обнаружил там даму и мужчину, занимающихся любовью. Токарев не стал им мешать. Забрал кольцо, два кольца, аккуратно положенные дамой на стол в гостиной, и прихватил также бумажник, часы и золотой портсигар любовника.

Самое удивительное заключалось в том, что ни в один из пятидесяти двух полицейских участков столицы никаких заявлений не поступало. Ценности положили в сейф до выяснения.

Через три дня Бахтина вызвали к директору департамента полиции, действительному статскому советнику Лопухину. Известие то произвело на Офицерской, в Управлении сыскной полиции, впечатление разорвавшейся бомбы. Недавно принятого на службу полицейского надзирателя III разряда вызывают на такой верх!

Начальник сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов пригласил к себе Бахтина и предложил рассказать всё как есть. Но что рассказывать, Бахтин не знал. Тогда Филиппов телефонировал в департамент помощнику заведующего уголовно-розыскным делом, старинному своему приятелю. Но и тот ничего не знал.

– Езжайте, – сказал Филиппов Бахтину, – я дам Вам свое авто и помните, Александр Петрович, вызов этот может быть для вас судьбоносным.

– Как это понимать, Владимир Гаврилович?

– Жизнь покажет, – ответил начальник, снова поднял трубку телефона и назвал номер 83.

На этот раз Филиппов говорил с чиновником для поручений при Лопухине. Владимир Гаврилович словно вскользь поинтересовался, нет ли надобности в каких-то документах, коль скоро его превосходительство вызывает надзирателя сыскной полиции Бахтина.

– А вам разве не передавали, что необходимо привезти всё, что вы отобрали у Токарева, – ответил чиновник для поручений.

Филиппов положил трубку, усмехнулся.

– Александр Петрович, вам повезло. Ваша карьера в полиции вполне может сложиться.

Не без трепета душевного ехал Бахтин на Фонтанку, 16. Полицейская карьера была ему небезразлична, именно она позволила ему увлечься криминалистикой.

Бахтин не представлял себя вне воинской службы. Его история вообще наделала много шума в определенных кругах. Она была романтической и таинственной. Бахтин дрался на дуэли, ранил своего противника. За это он был исключен из училища и предан суду.

Но присяжные его оправдали, и из зала суда вышел молодой человек в недорогом штатском костюме и без всяких перспектив на будущее. Барышня, из-за которой он дрался на дуэли с лицеистом Томским, немедленно отказалась от него. Что, впрочем, было вполне естественным. К месту дуэли прибыл юнкер – подпрапорщик, без двадцати дней подпоручик Бахтин, а из зала суда вышел молодой господин в дурно сшитом костюме.

О поступлении в высшее учебное заведение Бахтине мог даже помышлять, так как в его аттестате об окончании кадетского корпуса был поставлен соответствующий штамп.

Оставалась только служба. Унылая казенная служба. Удел чиновника в акцизном управлении или в экспедиции государственных бумаг. Впрочем, можно было пойти и по почтовому ведомству, или окончить курсы телеграфистов.

Бахтин распорядился своей судьбой проще. Он поступил в полицию.

Шаг этот был несколько демонстративный. Чем-то вроде поездки на Кавказ, под черкесские пули.

Что делать! Деятнадцатый век заканчивался, но люди цеплялись за прожитые годы, словно боясь наступления нового столетия. Впрочем, как показало время, они оказались правы. Итак, полицейская служба. К этому роду деятельности Бахтина приспособил его дядя, Виктор Николаевич, служивший полицейским приставом Невской части в Петербурге.

Еще не было книг о похождениях великого русского сыщика Путилина, не было романов Мориса Леблона, не появился еще Шерлок Холмс.

Поэтому полицейская служба представлялась Александру Бахтину как унылое стояние на перекрестке Тверской и Триумфальной площади. Но дело, которым начал заниматься Бахтин, оказалось совсем другим. Его взял под свою опеку сам начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции, надворный советник Филиппов, известный в те годы практик-криминалист, и определил в летучий отряд. Служба в нем была беспокойная. Заведующий летучим отрядом, коллежский асессор Новиков, был однокашником дядьки, увлекался криминалистикой и свел его с Евгением Федоровичем Буринским, организовавшим в здании Окружного суда на Литейном первую в России судебно-фотографическую лабораторию.

Интерес к криминалистике не только примирил Бахтина с полицейской службой, но даже позволил увлечься ею.

Правда, пока не часто приходилось ему использовать премудрость новой науки. Не до этого было ему в летучем отряде. Совсем не до этого.

Да и отряд летучий не криминалистикой занимался, а ловил карманников в трамваях, конках, на гуляниях, в магазинах. Проституток задерживал, грабителей. Группа, в которой служил Бахтин, брала только опасных громил.

Какая уж тут криминалистика нужна, чтобы задержать Фому Малахая в тот момент, когда он на Обводном громил топором публичный дом. Так вот начинал службу бывший юнкер Бахтин.

Директор департамента принял Бахтина приветливо. Усадил на диван в кабинете, спросил чаю.

– Не надо никакого «превосходительства». Зовите меня, голубчик, просто Алексей Александрович.

Директор департамента ласково глядел через пенсне на Бахтина.

– Знаете, милый Саша, я могу вас так называть? Вы же мне как сын, я с нашим батюшкой, покойным Петром Николаевичем, и служил вместе, и дружил очень, а Вас помню с того дня, как ваша матушка, светлая ей память, разродилась вами. Дядюшка ваш, достойнейший Виктор Николаевич, ко мне приходил, прежде чем вас в полицию аттестовать. Уж больно история ваша шумна была. Но ничего, ничего. Служите вы хорошо, господин Филиппов вами доволен.

Директор департамента прихлебнул чай, снял пенсне.

Бахтин не мог понять ни этой чрезмерной ласковости, ни смысла этого таинственного разговора.

– Что ж, могу вас порадовать. Высочайшим указом вам пожалован чин губернского секретаря, так что вы теперь особа двенадцатого класса, равная армейскому подпоручику. И мундир этот меняйте, меняйте. Согласно моему приказу по департаменту, вы назначаетесь помощником заведующего летучим отрядом. Бахтин поднялся, вытянулся.

– Рад стараться, ваше превосходительство.

– Ну зачем же так, Саша? Зачем? Как я вам приказал именовать меня?

– Алексей Александрович.

– Да и садитесь вы. Я хоть и генерал, но статский, садитесь. Теперь давайте о деле поговорим.

– Слушаю, Алексей Александрович.

– Саша, Александр Петрович, что еще говорил Токарев об этой квартире?

– Что вы имеете в виду?

– То, что в протокол не вошло.

– Пожалуй, ничего. Нет, впрочем... Да мелочь.

– В нашей службе мелочей не бывает, говорите, голубчик, говорите.

– Тот мужчина, что был там, приезжал на авто, черном, с серебряным клаксоном в виде перекрещенных труб.

Директор департамента изучающе посмотрел на Бахтина.

– Всё?

– Так точно, всё.

– Ну что же. Где сейчас Токарев?

– Сидит в Лиговской части.

– Опытный вор, в большом почете среди громил. Не пробовали завербовать его?

– Пока нет.

– И не надо, я сам этим займусь. Что смотрите? – усмехнулся Лопухин. – Тряхну старинной, директору департамента тоже положено иметь свою агентуру. Но об этом потом. Лопухин нажал кнопку звонка.

– Пригласите Петра Петровича минут через пять, – приказал он чиновнику для поручений.

– А вот теперь главное, Саша. – Директор департамента встал из-за стола.

Был он среднего роста, сухощав, на форменном сюртуке звезды Анны и Станислава.

– Сейчас мы вернем ценности владельцу. Похищены они у жены присяжного поверенного Глебова. Сами понимаете, при ситуации весьма пикантной. Поэтому наш долг – молчать, где были украдены вещи и как у грабителя отобраны. Мы, Саша, полицейские, сродни врачам.

Лопухин вскрыл пакет, опечатанный сургучом, вынул бриллиантовое кольцо с изумрудной звездой, браслет, серьги, два кольца. Камни в солнечном свете заиграли глубоким цветом.

– Да-с, – Лопухин взял в руки браслет, – целое состояние.

Дверь распахнулась и на пороге появился известный петербургский златоуст, самый шикарный столичный адвокат Петр Петрович Глебов.

Мазнул глазами равнодушно по человеку в полицейском мундире в чине таком, что и смотреть на него не надо. Он с некоторым изяществом подошел к Лопухину и пожат ему руку.

– Петр Петрович, рекомендую: мой протеже, с сегодня полицейский чиновник Александр Петрович Бахтин.

Глебов развернулся, словно на пружине, улыбнулся профессионально-обаятельно.

– Чрезвычайно рад составить знакомство. Судя по выправке, молодой человек, вы из военных. Постойте, постойте, Бахтин... Как же, как же! Помню. – Глебов звучно шлепнул себя ладонью по лбу. – Что-то с дуэлью. Шумная, романтическая история, сродни Дюма.

Он крепко пожал руку Бахтина. Задержал ее в своей и сказал весело:

– Милости прошу ко мне, завтра вечером. Будет узкий круг, наши дамы умрут от счастья. Они же год обсуждали вашу одиссею.

– Петр Петрович, – перебил адвоката Лопухин, – это же Александр Петрович нашел ценности вашей жены.

– Невероятно, – патетически воскликнул Глебов, – каков молодец! – Он держался с некоторой экзальтацией, играя одному ему известную роль. Он всегда словно находился в зале суда, который был его сценой.

– Только прошу вас, не спрашивайте, как нам удалось найти грабителя, пока это служебная тайна.

– Молчу, молчу. – Глебов сложил драгоценности в мешочек. Но на пороге оглянулся. – Александр Петрович, жду вас завтра к восьми.

Вот там-то и попробовал Бахтин этот сладкий портвейн. Лучше и не было бы того вечера, скомкавшего всю его жизнь. Не хотелось ему вспоминать об этом нынешней ночью. Воспоминания засасывают, словно болото. Он отхлебнул еще глоток, прислушался. За окном загрохотали колеса по камням мостовой.

Кстати, о тех днях. Лопухин приказал его отправить на своем авто: черном с серебряным клаксоном в виде перекрещенных труб.

Садясь в машину, Бахтин понял, почему мужские вещи директор департамента сразу положил в стол. Вот такая жизнь была в начале нынешнего века.

Простучали колеса и стихли снова. Только часы тикают.

А потом что-то зазвенело. Тонко и протяжно. Так обычно пели стеклянные шары на рождественской елке, когда открывали форточку в гостиной.

Он прислушался, не понимая, грезится ли ему этот звук или на самом деле где-то поет сказочный шар его детства?

Дождь, безостановочно ливший, перестал, и в номере стояла непривычная предутренняя тишина.

И вдруг вновь возник непонятный звон. Бахтин подошел к балконным дверям. Звенели капли. В камне балкона переливалось в свете фонарей крохотное озерцо. Видимо, ямка была глубокой, потому так и звенели падающие капли.

Бахтин вернулся, взял папиросу, прикурил и снова вышел на балкон.

Под ним лежал Париж. Улица Сен-Мартен была залита плывущим газовым светом и башня Сен-Жак, словно страж, нависла над ней. Где-то недалеко пробили часы, отсчитав пять ударов. Голос их вибрировал в мокром воздухе.

Улица начинала оживать. Простучал по мостовой фургон, и запах свежего хлеба долетел до третьего этажа.

Бахтин курил, глядя, как зарождается новое утро. Оно подступало, как нечаянная радость.

Прямо напротив ярко загорелись два окна, с грохотом распахнулась дверь. Открылось кафе. И тут Бахтин вспомнил, что со вчерашнего обеда ничего не ел.

Он погасил папиросу и пошел одеваться. В номере, в стенном шкафу, висел темно-зеленый мундир с витыми серебряными погонами.

В Петербурге ему было строго указано: получать французский орден в подобающем виде. А подобающий вид у чиновника, служащего по Министерству внутренних дел, тем более у полицейского, единственный – в мундире.

Бахтин вынул мундир. Золотом и эмалью блеснул на зеленом сукне крест Почетного легиона. Господи, сколько интриг, сколько непонятных намеков и разговоров предшествовало его поездке в этот город. И всё из-за эмалевого с золотом крестика.

Вчера префект полиции, месье Люпен, маленький, седобородый, подвижный, даже чуть подпрыгнул, прикалывая крест к его мундиру.

В парадном зале Ратуши народу было немного, десятка два французских полицейских, пяток репортеров и один любезный сердцу соотечественник. Увидев его прямую спину и усы, Бахтин сразу же понял, кого прислало посольство на церемонию.

Приколов крест, префект хлопнул в ладоши. Присутствующие тоже почтительно похлопали. Только представитель посольства стоял как полицейский пристав в табельный день.

– Мадам, месье. – Префект Люпен вздернул голову, задиристо подняв бородку. – Я предлагаю перейти в соседний зал и выпить по бокалу вина за друга Франции, прекрасного русского криминалиста, месье Бахтина.

В соседней комнате, вернее, маленьком зале, во всю стену висело батальное полотно, где французские кавалеристы шли в атаку на ощетилившееся штыками каре.

На столе стояли бутылки с вином, перно, коньяком. В большом блюде скромно лежали пирожки.

«У нас, – подумал Бахтин, – по такому поводу гуляли бы дней пять». Неслышно подошел лакей с подносом. Бахтин взял бокал.

– Господа, – префект полиции поднял бокал, – теперь мы можем сказать нашему русскому другу о том глубоком уважении, которое мы испытываем к нему и его отечеству.

Потом Бахтина увезли журналисты и они славно погуляли в кабачке на Монмартре.

Именно там, ближе к вечеру, когда шампанское возбудило всех до чрезвычайности, тосты стали длинней и запутаннее, а подсевшие женщины необыкновенно красивы, Бахтин увидел знакомое лицо.

В углу сидел человек в аккуратном сером пиджаке, галстук в горошек. На столе перед ним стояла бутылка «Пинар» и жаркое в глиняном горшочке.

– Боже мой, – сказал Бахтин, – Митя.

Он встал и пошел к столу лучшего своего друга по первому Московскому кадетскому корпусу Мите Заварзину.

Правда, окончив корпус, Митя вышел в университет, что тогда просто ошеломило кадетов их роты. Получить золотую медаль и не пойти в училище, где вполне можно стать портупей-юнкером, казалось тогда немыслимой глупостью.

– Митенька, – сказал Бахтин. Он был пьян и добр, а кроме того – действительно рад увидеть друга, с которым его развела жизнь.

– Здравствуй, Саша. – Заварзин встал.

– Митенька, ты что, не рад мне?

– Отчего же. – Заварзин с усмешкой покосился на ленточку в петлице Бахтина. – Ты стал знаменит, Саша, второй день парижские газеты пишут о тебе.

– Митя, – хмель не позволял Бахтину правильно оценивать положение, – Митя, пойдём к нам, выпьем, поговорим, старое вспомним. Ты как сюда, на вакацию или по делу?

– Нет, Саша, я политэмигрант, так что извини. Нам с тобой сидеть не с руки. Честь имею, господин криминалист.

Заварзин обогнул его, словно столб, и пошел к выходу. Бахтин чисто профессионально отметил, как из-за стола, запрятанного в темный угол, вскочил человек в котелке и поспешил за Заварзиным.

«Всё, – пьяно отметил про себя Бахтин, – повели Митю».

Неловкость от этой встречи он почувствовал позже. Допита была последняя бутылка, закончил он вечер у милой танцовщицы из кордебалета. Чувство стыда и горечи он ощутил в фиакре, по дороге в гостиницу, когда хмель начал уходить, а встреча с Заварзиным приобрела в его сознании истинный смысл.

Он не судил Заварзина за его убеждения. Упаси Бог! Если его однокашник стал социалистом, следовательно, так ему совесть подсказала. Бахтин, хотя и служил по департаменту полиции, старался не вникать в сложности программ политических партий. Он занимался криминалистикой. Защитой общества от преступников. И свое занятие считал наиглавнейшим.

То, что Заварзин не подал ему руки, тоже не удивило, хотя больно обидело его. В либерально-просвещенных кругах считалось дурным тоном иметь короткие отношения с полицейскими. На бесчисленных банкетах, на которых либералы произносили витиеватые тосты, служащие полиции подвергались анафеме.

Но, случись что, и тот же самый либерал бегал в участок с просьбой защитить его от меньшего брата. Так почему-то они именовали фабричных. Бахтин твердо понимал одно: раскачивание лодки никогда к добру не приводило.

Пожалуй, не было в России газеты, кроме «Полицейских ведомостей», где не обливали бы грязью служащих полиции.

В Париже, что искренне удивило Бахтина, сыщики-криминалисты были также известны, как знаменитые актеры или модные депутаты.

В душе ругая себя за тщеславие, он сложил в чемодан парижские газеты, в которых печатали его портреты.

Конечно, Заварзин как социалист имеет право не подать ему руки. Но Заварзин – друг молодости обязан был это сделать, хотя бы в память о том, как Бахтин, взяв на себя его провинности, позволил Заварзину окончить корпус с золотой медалью.

Сколько потом было уверений в дружбе. И была клятва, настоящая, ночью в парадном зале корпуса, перед портретами великих русских полководцев. Прошла молодость и забылась клятва.

Приобретя некий жизненный опыт, Бахтин обратил внимание на странное несоответствие слов и дел либеральных интеллигентов. Их бесконечные и утомительные сетования на народные страдания, их уверенность в неоспоримости социальных перемен казались Бахтину тягучими и такими же приторными, как нуга.

Он жил в другом мире и, вполне естественно, был отдален от жарких схваток общественного движения.

Бахтин никогда не задумывался, что мимо него, практически не трогая и не задевая, проносится история. В день знаменитого расстрела, ставшего потом кровавым воскресеньем, он ловил шайку Китайца. Страшного, изощренного убийцу, приехавшего в столицу из Владивостока.

Дарование Манифеста и события, связанные с ним, он пережил в Варшаве. Там работала крупная шайка фальшивомонетчиков.

Так же пронеслись, не задевая, беспорядки пятого года.

Правда, Филиппов сделал ему выговор за то, что он в присутствии нескольких чиновников сказал, что искренне рад, что уволен из училища, потому что не хотел бы служить в армии, подменяющей жандармерию.

Один из его друзей, вернее, единственный друг, литератор Кузьмин, сказал, что у Бахтина наступила душевная апатия.

Бахтин засмеялся. Просто он жил в другом мире. И заботы у него были другие. А что касается народной жизни, так он, полицейский чиновник, лучше любого либерала и социалиста знал, как живут рабочие и мастеровые в Питере. И считал твердо, что не бунты и демонстрации нужны им, а просвещение и социальная устроенность. Тем более, что в большинстве своем мастеровые эти зарабатывали больше него, полицейского чиновника. До чего же невеселые мысли преследовали его в последнее время. Бахтин вновь попил чудесного португальского напитка. Сделал глоток, прислушался. По телу медленно разливалось долгожданное тепло. Вино убрало руку, сжимавшую сердце, отогнало дурные воспоминания.

Бахтин понимал, что алкоголь не выход. Что такие накаты меланхолии надо врачевать иначе. Но иначе – значит сложнее. А он привык к простоте. Бахтин оделся, оглядел себя в зеркале. Из светлого проема глядел на него вполне подходящий Парижу щеголеватый господин.

Бахтин жил в обществе странном. В Петербурге был свет, был еще некий полусвет. И была жизнь, не поддающаяся определению. Нечто третье. Прекрасно одетые шулера, именитые авантюристы, ворующие драгоценности, роковые красавицы, разоряющие всех подряд. Ему постоянно приходилось сталкиваться с этими людьми, именно у них он перенимал привычки, вкусы, манеры.

И всё же Бахтин остался доволен своим двойником. Набалдашником трости он провел по усам, подмигнул сам себе и пошел в утренний Париж. На углу улицы горели окна бистро. Бахтин вошел в узкую гремющую дверь, подошел к цинковой стойке.

В этот ранний час в бистро народ был совсем простой. Возчики, грузчики, двое полицейских и замерзшие проститутки, дремавшие в углу за столиком.

Хозяин, высокий, худой, с небольшой бородкой, с любопытством взглянул на Бахтина, пригляделся, вытащил из-под стойки газету.

– Это вы, месье?

Хозяин развернул «Фигаро», и Бахтин увидел свой громадный портрет.

Он взял газету в руки. Со страницы смотрел на него темный, как кавказец, очень похожий на него господин. Бахтин вернул «Фигаро» хозяину.

– Нет, нет. – Хозяин поднял газету и громко крикнул: – Ребята, вот кто сегодня в нашем баре.

Народ зашумел, придвинулся к Бахтину, потянул бокалы и рюмки. Хозяин достал из-под стойки запыленную бутылку, налил две большие рюмки.

– Это кальвадос, месье Бахтин, выпейте с нами. В газетах пишут, что вы спасли честь Франции. За вас, месье! За Россию! За Францию!

Бахтин одним глотком осушил рюмку. Неведомый ему напиток был крепок и напоминал фруктовую самогонку.

Хозяин налил еще. Бахтин жал чьи-то руки, с кем-то чокался, кого-то благодарил. Наконец ему удалось забиться в угол, взять большую чашку кофе и мясное рагу. После выпитого есть хотелось чудовищно, и он расправился с тарелкой в одну минуту. Вот теперь-то и закурить можно. Бахтин достал портсигар, вынул папиросу. Он успел затянуться всего один раз, как у стола возник человек.

Незнакомец приподнял котелок и спросил по-русски.

– Господин Бахтин?

Бахтин посмотрел на него и всё понял. Разве можно было перепутать его с кем-нибудь?! Ах, эти усы, ловко, по-военному сидящий пиджак, короткий поклон головы. Глаза, глаза главное. В них словно отражалось здание на Гороховой, близкого сердцу Охранного отделения.

– Чем могу? – Бахтин пригласил присесть.

– Позвольте представиться, ротмистр Люсьтих. Чиновник для особых поручений при министре внутренних дел, статский советник Красильников просил вас, Александр Петрович, посетить его нынче.

– Красильников? – переспросил Бахтин, вспоминая.

– Так точно, Александр Александрович.

– А где изволит располагаться господин Красильников?

– На Рю-де-Гринель, в посольстве.

– Благодарю вас, господин ротмистр, непременно буду. Не желаете ли выпить или кофе спросить? – Благодарствуйте, другим разом. Честь имею.

Ротмистр поднялся, сдвинул каблуки. Бахтину даже показалось, как малиново звякнули шпоры. Он допил кофе, пошел к стойке рассчитываться.

– Нет, – увидев деньги, сказал хозяин, – сегодня за счет заведения. Такой гость – лучшая реклама.

Бахтин поблагодарил и, выйдя на улицу, подумал о том, что на заводе к коммерции совсем иной подход.

Бахтин вышел из бистро. Париж раскинулся перед ним. Промытый дождем, радостный и незнакомый. Постукивая тростью, он шел по улицам, сворачивал в узенькие кривые переулки. Это было его первое свидание с Парижем. Он и город. Один на один.

Как удивительно быстро бежало время. Вот уже и одиннадцать часов.

Ажан на углу Севастопольского бульвара и улицы Сен-Дени объяснил, как попасть на Рю-де-Гринель. Время еще было. Бахтин зашел на террасу кафе. Спросил пива.

На улице в жаровне лопались каштаны, их сладковатый запах окутывал округу. Целовались в углу влюбленные, о чем-то яростно спорили два солдата в красных штанах. По улице неторопливо шли люди. И Бахтина охватило странное чувство свободы, которое он испытывал только в детстве, когда приезжал из корпуса в имение на Орловщине, где его дядя служил управляющим.

Господи! Как чудовищно скован он в Петербурге. И это не работа. Нет! Жизнь, полная глупых условностей. Замундиренная, разложенная по полочкам жизнь.

С раннего детства ему внушали, что можно, а чего нельзя, что прилично, а что нет. И эти глупые наставления, родительские, офицера-воспитателя в корпусе, ротного в юнкерском училище, старшего по чину в службе, висели на человеке, словно тяжкие вериги. Да еще литература добавляла свою лепту. Мрачная, исповедальная, душу разворачивающая русская литература.

А часы прицокали к полудню. Пора к статскому советнику Красильникову. У ворот посольства уже знакомый ротмистр.

– Прошу.

Мимо привратника ротмистр провел Бахтина, не к входу в посольство, а правее, к зданию консульства. Дубовая дверь в первом этаже.

Они вошли в небольшую комнату. Вдоль стены обычные канцелярские шкафы. Три письменных стола, на одном пишущая машинка «Ремингтон» и, конечно, громадный сейф. Два зарешеченных окна, выходящих во двор.

За одним из столов сидел чиновник. И хотя он был в партикулярном парижском пиджаке и пестром галстуке, Бахтину показалось, что надет на нем зеленый мундир его родного департамента. Чиновник встал, наклонил голову.

– Александр Александрович ждет.

Вторая комната производила совсем другое впечатление. Обставлена она была дорого и со вкусом. Из-за стола красного дерева, поднялся высокий человек и протянул руку.

– Рад, душевно рад видеть знаменитость нашу.

Голос у него был низкий, приятный, с модуляциями. Так обычно говорят провинциальные трагики.

Бахтин пожал протянутую руку, оглядел этого щеголеватого господина и понял, что перед ним заведующий иностранной агентурой Охранного отделения.

– Что ж вы, голубчик, Александр Петрович, нас, коллег-то, игнорировали? Нехорошо, нехорошо.

– Александр Александрович, – Бахтин сел в кресло, устроился удобно, положил руки на головку трости, – вы уж меня по вашему делу не берите. Министерство у нас одно, а служба разная.

– Так и знал, так и знал, – замахал руками Колесников, – вечный спор сыска и охраны, кто же благороднее. Но всё равно своих забывать нельзя. Мало ли что.

– Господин статский советник, вы пригласили меня для того, чтобы это сказать?

– Уели, уели, Александр Петрович, действительно позвал я вас по делу казенному. Хочу предоставить вам возможность еще лучше послужить государю императору.

– Почту своим долгом.

– Другого ответа и не ожидал.

Красильников нажал на головку серебряного звонка. Дверь отворилась, и в комнату вошел высокий, элегантный блондин.

Бахтин отметил для себя, что давно уже не встречал такого красивого мужчину.

– Прошу знакомиться, мой помощник, титулярный советник Мельников Борис Дмитриевич.

Бахтин поднялся, кивнул, не подавая руки. Мельников сел в кресло у стола, раскрыл папку.

– Как нам стало известно, господин Бахтин, вы коротко знакомы с неким Дмитрием Степановичем Заварзиным.

– Да, я учился с ним в Первом московском кадетском корпусе, господин титулярный советник. Александр Александрович, – обратился Бахтин к Красильникову, – на каком основании мне, чиновнику VII класса департамента полиции учиняется этот допрос? Видимо, вы располагаете указаниями директора департамента, господина Белецкого. Если это так, прошу показать мне полномочия.

– Александр Петрович, вы неправильно поняли Бориса Дмитриевича. Не допрос это, не допрос. Просто наружное наблюдение срисовало вас, когда вы разговаривали с Заварзиным в ресторане.

– Да, действительно, я увидел в ресторане господина очень похожего на моего соученика Заварзина. Я подошел к нему, но тот сказал мне, что я обознался и что он австриец.

– Правильно, – усмехнулся Мельников, – вы даже рукопожатием не обменялись.

– А, собственно, что сделал Заварзин? Кто он?

– Вам показать можно. – Мельников вынул из папки листок, протянул Бахтину.

«1) Известный департаменту полиции по моим докладам от 13 октября 1911 года за № 245 и по следующим бывший студент Московского университета из дворян Московской губ. Зарайского уезда Дмитрий Степанов Заварзин (партийные клички „Гоголь“ и „Петр Петрович“, в наблюдении „Дунайский“) проживает по адресу улица Данфер-Ромеро, № 7, меблированные Комнаты Борто...»

– И давно мой однокашник балуется социализмом? – усмехнулся Бахтин.

– Достаточно. Могу вам сказать, что он весьма заметная фигура в политической эмиграции.

– Господа, – Бахтин откинулся в кресле, – чем же вам, специалистам в политическом смысле, может помочь человек, работающий по уголовной преступности?

– Нам стало известно, что в Варшаве социалисты совершили экс...

– На русском языке это экспроприация? – перебил Бахтин Мельникова.

– Так точно. Они ворвались в квартиру графини Замайской, связали прислугу, тяжело ранили лакея и унесли драгоценности. Нам стало известно, что драгоценности они прячут в библиотеке русских социалистов на улице Брона. Там завтра в три они собираются.

– Я, как полномочный представитель МВД Российской империи, считал необходимым, чтобы именно вы арестовали преступников. Тем более что эксакция уголовная.

«Неужели они считают меня за идиота, – подумал Бахтин, – ведь именно я вместе с начальником Московской сыскной полиции Кошко арестовал латышей из рижской банды. У них нашли и ценности, правда, не все!.. При чем здесь социалисты?»

– Как я вижу, вы раздумываете. Вы, видимо, забыли, какую неопределимую услугу оказал нам господин Путилин, ставший потом начальником Петербургской сыскной полиции.

– Господин Красильников, мне неизвестны мотивы, по которым господин Путилин ввязался в историю с фальшивыми письмами Чернышевского...

– Так уж и фальшивыми, – перебил его Красильников, – просто в сенатской комиссии много либералов.

– Я опираюсь на факты. А если вы считаете господ членов сенатской комиссии сочувствующими социализму, то мне сказать нечего.

– Господин Бахтин, не о Путилине нынче речь. Вы можете нам?

– Мне надо подумать, господа, я дам ответ завтра. Честь имею. Бахтин встал, надел шляпу и вышел.

– Вы ему верите? – спросил Мельников.

– А куда он денется, – засмеялся Красильников, – небось сейчас идет и думает, как новый орденок вне срока получит.

Нет, не о новом орденке думал Бахтин. Совсем не о нем. Он снова шел сквозь Париж, но на этот раз прогулка не радовала его. Слишком неприятным был разговор в посольстве. Ну куда только не залезет вездесущая охранная полиция! Им-то он должен помогать. Какой же он дурак, не вспомнил шифровки, которую он лично отправлял заведующему заграничной агентурой с просьбой установить, где находится мошенник, граф Коралли. Два года минуло, а ответа всё нет. Они через французов установили его квартиру, и чиновник для поручений Ястребцов ездил арестовывать графа.

Нет, господа. Свои дела обдeldывайте сами. Он уже направился было к гостинице, как что-то остановило его. Заварзин. Конечно, Митя Заварзин придет завтра в эту библиотеку и его арестуют, как уголовника.

«Ну и что? – сказал кто-то внутри него, – пусть. Он же даже руки тебе не подал. Говорить с тобой не захотел. Как же так?»

– А так, – ответил Бахтин тому невидимому, злomu, ехидному, – мы же одноклассники, друзья детства и юности. Мы должны помогать друг другу. А Митя поймет, потом, но поймет.

«Господа, помните, что вы не просто будущие юнкера или студенты. Вы члены одного военного ордена. Корпус сплотил и воспитал вас. Вы стали крепки физически и духовно подготовлены к сложностям жизни. Теперь вы как братья. Помните это, господа, и не забудьте главное, при первой возможности, по первому зову или без оногo вы должны прийти на помощь друг другу».

Так напутствовал их при выпуске начальник корпуса генерал Богданов.

Пришли ли ему, Бахтину, на помощь друзья в тяжелый для него день?

Пришли. Они собрали свои жалкие юнкерские деньги, оторвав их от так необходимых молодым людям расходов, а потом, в зале суда, два ряда заняли весьма решительно настроенные молодые подпоручики. Они бурно хлопали адвокату, со значением поглядывали на присяжных.

После приговора они на руках вынесли Бахтина из зала суда.

Нет. Не простили бы друзья юности ему подобного предательства.

Итак, адрес Заварзина: улица Данфер-Ромеро, 7. Интересно, наружное наблюдение пасет его постоянно или они шли за ним только в те дни, когда агентура дает сведения о каких-то встречах объекта.

Наверное, скорее последнее. Зачем постоянно «водить» человека, находящегося в активной агентурной разработке.

Бахтин зашел в кафе, выпил кружку пива, съел горячие сосиски и заодно выяснил, как попасть на улицу Данфер-Ромеро.

Через час он уже узнал у консьержки, что русский господин дома, и, осмотрев здание, убедился, что второго выхода нет.

Идя сюда, Бахтин несколько раз перепроверился. Хвоста не было. Теперь нужно посмотреть, поведут ли Заварзина от дома.

Напротив подъезда находилась маленькая кондитерская. Бахтин сел у окна, спросил черный кофе, коньяк и пирожные. Милая дама немедленно выполнила заказ, да и в общем-то это было не мудрено, Бахтин был единственным посетителем.

Мраморный столик весь изрисован женскими головками, стройными ножками, какими-то домами и башенками, затейливыми фонарными столбами. Видимо, здесь по вечерам собирались веселые монмартрские художники со своими прелестными подружками.

Бахтин несколько раз встречал эти веселые компании. Он завидовал им. Той простоте, с которой они держались, свободе одежды и вообще свободе. Как ему хотелось сбросить пиджак, сорвать тугой воротник рубашки, выкинуть галстук и бродить вместе с этой отчаянной публикой по кабакам и мастерским. Петь, любить, драться.

А главное, всё это было вполне реальным и сбыточным. Пиши прошение об отставке, продай тот малый скарб, который нажил за годы службы, – и в Париж!

Всё просто, как грабли. И вместе с тем сложно, как телефон Эриксона.

Бахтин курил, разглядывал рисунки, ждал. Ждал, когда из дверей дома выйдет Митя Заварзин.

И он вышел. Слава Богу! Долго ждать не заставил. А вот теперь нужно проверить, нет ли за ним хвоста. Нет. Бог милует. Всё чисто.

Заварзин шел по улице спокойно, не оглядываясь. И Бахтин внутренне похвалил людей Красильникова. Работу они свою знали.

А Заварзин шел по улицам, постукивая тростью. Легко шел. Так обычно ходят люди, когда у них настроение хорошее.

Они прошли бульваром Сен-Мишель, оставив слева Люксембургский дворец, миновали Дворец правосудия. На улице Сен-Дени Бахтин чуть не потерял Заварзина, и заметил его, когда он свернул в узкую улочку, ведущую к рынку.

Улица Венеции была пустой, узкой, как щель, казалось, встань посередине, подними руки и коснешься стен домов.

Уже стемнело, и улицу освещали три газовых фонаря, прикрепленных к стенкам домов коваными кронштейнами.

Заварзин быстро шел вдоль правой стороны улицы и вдруг исчез, словно вошел в стену.

Бахтин приблизился и увидел узкую дверь, на которой была выжжена бутылка и рюмка. Он толкнул ее. Три ступеньки вели вниз. В освещенную маленькую залу. Обитая цинком

стойка, пол, посыпанный опилками, семь столиков. У дверей сидели двое в картузах и куртках, в углу за столом – Заварзин и еще один, незнакомый.

Бахтин подошел к их столу, придвинул ногой стул и сел.

– В чем дело, – спросил Заварзин, – ты что, Бахтин?

– Не бойся, я тебе руки протягивать не буду, – Бахтин тростью сбил на затылок котелок, – тебе, Митя, не придется здороваться с полицейским.

– Полицейским? – прищурился товарищ Заварзина, – вы полицейский?

– Так точно. Чиновник для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции, надворный советник Бахтин. А вы кто?

– Отвечать обязательно?

– Нет, – резко сказал Заварзин, – нам с ним и разговаривать-то не обязательно. Что тебе нужно, Бахтин?

– Я мало знаком с вашим учением, Митя, тем не менее я пришел к тебе как друг, чтобы еще раз, – Бахтин произнес эти слова со значением, – помочь тебе.

– Ты? Мне?

– Представь себе. Я не буду ничего говорить вам, скажу только одно. Не ходите в вашу библиотеку завтра. Там кто-то подложил ценности с крупного варшавского налета, за эти цацки вас и хочет повязать Красильников.

– Что? Что? Повязать? – засмеялся товарищ Заварзина. – Это по-каковскому?

– По-блатному это, милый господин, по фене то бишь.

– Откуда ты знаешь? – побледнев, спросил Заварзин.

– Знаю, и не только это. Так что помните, не ходите туда. Кстати, если один из вас агент охраны, то продавать меня не советую. Меня здесь не было, и есть в Париже люди, которые подтвердят это.

– Как вы смеете, – неизвестный вскочил. Был он высок, плечист, ловок.

– Смею, – Бахтин встал, – смею потому, что жизнь такая. Счастливо оставаться. Он повернулся и вышел.

Уже на улице он подумал, что вел себя как мальчишка. Нельзя было говорить при свидетеле. Нельзя. Но что сделано, то сделано, жалеть поздно.

И он пошел по улице Сен-Дени. Уверенно. Постукивая тростью. На углу Реомюр и Сен-Мартен он уже совсем успокоился и, дойдя до гостиницы, твердо решил завтра уехать.

У здания департамента полиции белый авто кабриолет передним колесом ударился в выбоину, подскочил, оглушительно выстрелил и окутал набережную синеватым дымом. Околоточный надзиратель, проверявший патент у лоточника-разносчика, повернулся и стремительно лапнул кобурку.

А авто выстрелило еще раз, потом сыграло первые два такта модной шансонетки и покатило дальше, распугивая лошадей и заставляя креститься случайно попавших на Фонтанку монашенок.

Красные узкие колеса несли по набережной отделанную золотом механическую карету. Она летела, победно играя клаксоном, обгоняя матерящихся кучеров, отражаясь в зеркальных окнах подъездов.

У номера 62 авто остановилось. Присяжный поверенный Усов, чертыхаясь, выбрался из узеньких дверей механической каретки. Нет, к черту. Конечно, двадцатый век, прогресс, но он за консервативную широкую пролетку с мягкими рессорами.

– Поганая, братец, у тебя колымага, – сказал Усов затянутому в кожу шоферу и, тяжело опираясь на трость, пошел к подъезду.

Солнце переливалось в узоре зеркальных стекол, золотило львиные головы ручек. Да и дверь не простая, а из дорогого черного дерева, вывезенного Бог знает откуда, не то из Африки, не то из Индии.

Широко, широко начинал столичную жизнь Григорий Львович Рубин. Вот и швейцар дверь распахнул, ливрея, как мундир генеральский, шапка золотом расшита. А рожа-то, рожа. Что и говорить, мужик здоровый. Нет, не просто швейцара держал Рубин. Это был страж, защитник, телохранитель. А откуда взял его Григорий Львович, сразу ясно становилось, стоило увидеть синее пятно татуировки на руке.

В прихожей пахло сырой штукатуркой, кожей и скипидаром. На стенах висели батальные полотна Гро, стояла новенькая кожаная мебель, но ковры еще не постелили, и они лежали, свернутые в здоровые трубы.

Швейцар принял котелок и трость. Усов достал массивный золотой портсигар, закурил. Что и говорить, прихожая просто кричала о богатстве, ярком, бьющем в глаза. Но Усов знал, что картины Гро рисовал хозяину спившийся живописец Аброханцев, что старинная бронза фигур и светильников была сработана в Евпатории, в мастерской некоего Градусова, и что вся эта старина такая же подделка, как и сам хозяин.

По ступенькам сбежал Анатолий Арнольдович, секретарь Рубина, человек без возраста и национальных признаков. Жгучий красавец, с тонкой ниточкой пробора в набриолиненных волосах. Его можно было бы вполне принять за грека, если бы не светлые зеленовато-серые глаза.

О нем Усов почти ничего не знал, правда, поговаривали, что Анатолий Арнольдович Зоммер неплохо знал места Сахалинские, да и в Нерчинском остроге был своим человеком.

– Петр Федорович, – Зоммер по-военному наклонил голову, – честь имею.

– Здравствуй, голубчик, – Усов кивнул, но руки не протянул, – где сам-то?

– Григорий Львович ждет вас в малахитовой гостиной.

– В какой? – изумился Усов.

– В малахитовой.

– Хозяин у тебя прямо императрица Екатерина.

– Григорий Львович человек с размахом, – внимательно поглядел на ничего кроме любезности не выражающее лицо Зоммера. Да, сумел Рубин подобрать себе людей. Швейцар Семен, каторжное отродье, грабитель и убийца, необыкновенной силы, ему человека зарезать, что плюнуть. Зоммер этот. Да и шофер Кацинский не лучше.

Увяз, Петр Федорович, увяз. И промахнулся-то разок. Черт попутал. Нужна ему была подделка купонов. Правда, имелось за Усовым еще кое-что, о чем он старался не вспоминать. Об этом думал Усов, поднимаясь по мраморной, покрытой ковром лестнице, проходя анфилады комнат. Мелькали картины, мраморные фигуры, бронзовые лампы, ковры, красное дерево, птичий глаз.

Всё в доме этом было нарочито ярким и броским. Стены обиты штофом, дорогой паркет, мраморный мальчик, достающий занозу, словно кричали: «Скорее удивляйся, какие мы богатые!»

Малахитовая гостиная была похожа на декорацию к спектаклю из боярской жизни. По углам комнаты сидели нелепые каменные птицы, такие же чудища, только с огромными хвостами, украшали пол, выложенный зеленой каменной плиткой. Нелепые, под старину, кресла, нелепый стол.

Рубин поднялся навстречу Усову из-за какого-то сооружения, напоминающего гробницу. Был он не по утреннему времени в смокинге, грудь рубашки замялась, лицо припухло. Чувствовалось – хозяин еще не ложился. Он стоял перед Усовым, раскачиваясь с каблука на носок, словно демонстрируя лакированные штилеты. И Петр Федорович в который раз подивился странному ощущению. Рубин словно ускользал от него. Была в нем некая неприметность, стертость какая-то. Выйди он из комнаты, память сломаешь, пока лицо его вспомнишь. А в общем-то весьма милый человек, росту выше среднего, худощавый, лицо белое, чуть веснушками

присыпано. Самую малость. Глаза карие, маленькие, правда, нос прямой, рот крупный, губы яркие, словно налитые.

– Рад, рад. – Рубин взял Усова под руку, потащил к каменному страшилищу.

– Ну как? – Григорий Львович даже в сторону отступил, давая гостю возможность увидеть сооружение из малахита.

– Что – как? – усмехнулся Усов.

– Стол нравится?

– Это стол, никак? Я-то думал, камень надгробный.

– Что ты, что ты. – Рубин трижды плюнул через левое плечо, выхватил из жилетного карманчика высушенную птичью лапку, зажал ее в кулаке.

– Значит, стол, говоришь. – Усов опустился на странное сооружение из камня и малахита. – А это, видать, кресло.

– А что?

– А то, что не уважаешь ты гостя. Жестко, да зад коченеет от камня. Прикажи мне нормальное кресло принести.

И пока молчаливые лакеи несли кресла и какую-то выпивку и закуску, Усов обошел гостиную.

– Так, – Петр Федорович усмехнулся, – решил поразить столицу?

– А что? – Рубин налил коньяк в большие рюмки. – Тебе бутерброд с икрой или...

Усов подошел, зачерпнул ложкой икру из серебряного жбана, положил на маленькую таралетку.

– Давай.

Они выпили молча, не чокаясь. Усов выпил одним глотком. Он любил и умел выпить, видимо, это было наследственным. В его купеческом, старомосковском роду мужчины умирали, дожив до глубокой старости, до последних дней крепко выпивая и закусывая.

Рубин пил мелкими глотками, кадык на шее дергался, на лице было написано отвращение, так пьют необходимое, но чудовищно невкусное лекарство.

Из всех напитков Григорий Львович предпочитал сладкие наливки, ликер и «Донское» шампанское. В общем, всё сладкое. Но коль скоро ты уже в Петербурге и дом у тебя высшего шику, нужно пить то, что любят аристократы.

Усов налил себе еще полбокала. Но не стал пить, любуясь, как солнце отражается в цветных гранях. Он знал толк в посуде. Этот рубиновый хрусталь был подлинным и старым, сработанным русскими умельцами для столовой петровского фаворита князя Меншикова. Усов сделал глоток и поставил бокал.

– Хрусталь-то хорош. Подлинный.

– А остальное, ты думаешь...

– А что мне думать-то. Я-то знаю, кто для тебя французские картины рисует и тклет фламандские гобелены.

– Неужто так заметно? – обеспокоился Рубин.

– Не переживай. Мне заметно, а те, кого ты будешь приглашать, они Левитана от Клевера не отличат.

– А кого же, по-твоему, я буду приглашать?

– Ты коньяк-то брось, брось маяться с коньячком. Налей своей запеканки. Когда никого нет, пей свой местечковый напиток.

– А и то правда. Никак не привыкну к этим изысканным винам да коньякам.

Рубин почему-то подошел к окну и из-за шторы достал графин.

– Ты что это, брат, словно от жены прячешь, – захохотал Усов.

– Да нет. Просто он так всегда под руками и не видит никто. Так кого же я приглашать буду?

Усов порылся в сигарном ящике, достал сигару, обрезал кончик щипчиками, закурил и, выпустив ароматный клуб дыма, ответил:

– Кого? Пригласить-то, Григорий Львович, ты можешь любого, а вот кто пойдет к тебе...

– Черт с ними. Сначала пусть полусвет, писатели, актеры, потом прознают о моих вечерах и аристократы потянутся.

– А зачем они тебе?

– Нужны, нужны. Ты думаешь, я зря с Большого Канатного переулка в Одессе перебрался в столицу?

– Думаю, что нет.

– То-то. Приготовь документы, я покупаю две кинофабрики в Москве и три в Питере. И кинематографы на Невском. Пиши. Невский, 67, «Сатурн»; Невский, 80, «Паризьен» и «Пикадилли» в начале проспекта.

– Вот тебе и раз! – удивился Усов. – Ты же хотел прииски купить.

– Золотопромышленники – особый круг. Они чужака не примут. Да и потом, у них служба осведомления почище сысканой работает. А синема дело новое и прибыльное. А потом актрисы. Всякие там Веры Холодные да Ольги Станевские. А! – Рубин захохотал.

– Что ж, можно подумать.

– Потом надо свой киножурнал выпускать. Да газету купить какую-нибудь.

– Газета – это дело. Это общественный рупор.

– Правильно изволил заметить. Так этот рупор я против полиции направлю.

– Не боишься?

– Ты ее на подставное имя купишь.

– Не много ли в нашем деле подставных?

– Ничего, ты, Петр Федорович, человек с головой. А потом я же тебе два министерских оклада плачу. На прочее. – Рубин бросил на ларец номер «Биржевых ведомостей». – Читай, как некий Кузьмин расписывает дело Гохманов.

– А ты думал, как это будет?

– Ты же заплатил деньги.

– Я же говорил тебе, что Геккабуш не взял.

– Сволочь, чистоплюй!

– Не расстраивайся, есть пара литераторов, они так это дело распишут, что твои братцы Гохманы невинными жертвами окажутся.

– Теперь этот Бахтин.

– Опытный криминалист, пожалуй, после Путилина у нас такого не было.

– Он тебе вроде бы нравится?

– А почему нет. Нравится. Честный, смелый...

– Ты на себя погляди лучше.

– Не обо мне речь, Гришенька. Я в вашем дерьме по уши. Дорожки мне обратной нет. Но радуюсь я, когда находится человек, которого вы купить не можете.

– Петя, дружок, не вы, а мы. Мы, понимаешь! Это значит, и ты тоже. Так что девицу-то из себя не строй. Не надо.

– А ты что со мной так говоришь? – Усов грохнул бокалом о поднос. – Я тебе что, уголовник, жиган...

– Нет, нет, – тягуче повторил Рубин и шагнул к Усову.

Так они стояли друг против друга. Высокий, барственный Усов и совсем неприметный в сравнении с ним Рубин. Но была в этой неприметности некая злая сила, появившаяся не вдруг, а возвращенная годами кровавой борьбы за место в жизни. Именно так жил Григорий Львович все свои сорок лет. Именно эта сила привела мальчишку из маленького местечка Шполы в столицу.

Усов смотрел на Рубина. На сильные ноги, словно вросшие в малахит пола, на широкую грудь под мятой рубахой. Усов знал, что на ней две татуировки – перекрещенные кинжалы и женская головка. Усов видел Рубина в бане и подивился его сильным рукам и мускулистым ногам, какие бывают только у гимнастов.

Да, этот человек пришел в Петербург навечно, его не столкнуть, не подвинуть.

– Так-то, Петя. – Рубин развернулся на каблуках, подошел к столу, налил себе запеканки, Усову коньяку. – Теперь так. Этот Бахтин мне на дороге второй раз становится. – Рубин сделал маленький глоток, поставил бокал на стол.

Вообще-то, он не любил спиртное. Пил только за компанию, даже свои сладкие напитки. И сигары Григорий Львович не любил. Раз уж считалось, что это принято среди богатых, так, значит, эту гадость непомерной крепости нужно сосать. Куда лучше асмоловские папиросы «Зефир». Крепкие, душистые.

Эх, надоело ему строить из себя аристократа, поехать бы в Одессу, поесть бы жареную колбасу на Привозе с серым мягким хлебом, а потом запить всё это варенцом или молоком топленным с коричневой вкуснейшей пенкой.

И смокинг бы этот снять. Натянуть белый чесучовый костюмчик, рубашку апаш, морскую фуражечку с якорьком. Какое, впрочем, счастливое время было.

– Ты что замолчал-то, – Усов коньяк допил, – загрустил ты что-то, брат?

Воспоминания обожгли и погасли. И нет Одессы. Вообще ничего нет: ни Привоза, ни фуражки, ни костюма из чесучи. А есть дом этот холодный, да забот куча.

– О Бахтине потом. Ты, Петя, должен встретиться с Громобоевым.

– Подожди, Григорий Львович, он же...

– Петя, ты деньги получаешь, чтобы с такими, как Громобоев, встречаться. Он крупнейший скупщик краденого в Питере. Остальные помельче – Шосток, Гаврилов, Фост.

– Они тоже нужны?

– Да, нужны все. Мы сначала их к рукам приберем, а потом уж жиганьём займемся. Поезжай в департамент полиции к Козлову. Завези ему жалованье, пусть даст адреса всех петербургских скупщиков. И напомни ему, что хоть он и стал действительным статским и «вашим превосходительством», это я его из приставов в генералы вывел.

– А зачем напоминать-то?..

– Работать перестал. Напомни, напомни ему.

– На Бахтине-то что?

– Бог с ним пока. Ты, Петя, этими делами займись. – Рубин проводил Усова до дверей. Подошел к окну. Вот дверь распахнулась, вылез на улицу нахохленный Усов, полез в авто.

Всё правильно, не надо было купоны фальшивые в оборот пускать, тогда бы и жил, как хотел, дорогой Петр Федорович. А теперь служи. За то тебе и жалованье платят, и долю с прибылей. Рубин позвонил. На пороге появился Зоммер.

– Слушаю, Григорий Львович.

– Где Жорж?

– Внизу, с людьми. Позвать?

– Не надо, я сам спущусь.

Секретарь обогнал его, почтительно раскрывая двери. Рубин шел, глубоко засунув руки в карманы брюк с атласными лампасами. Смокинг мешал ему, и он скинул его прямо на пол. Зоммер стремительно подобрал его, перекинул его через руку. Шутка ли, тысячный смокинг, в Париже пошитый.

По широкой лестнице Рубин сбежал вниз, недовольно приносясь к запахам штукатурки и скипидара. Пора, пора кончать этот ремонт. Затянули черти. И Зоммер понял недовольство хозяина.

– На ночь всё откроем, продуем, запах исчезнет. Так что не беспокойтесь.

Рубин спустился в прихожую, отодвинул штору, открыл маленькую узкую дверь. Этот ход вел в соседний дом, тоже купленный Рубиным. И если парадные покои поражали помпезностью, то второй дом был самым обычным, и обстановка была типичной для квартиры одесского маклера средней руки.

В доме этом сидели бухгалтеры и кассиры, в подвале была ювелирная мастерская, да еще некое печатное дело располагалось. На втором этаже жил Жорж со своими людьми. И сейчас Рубин нашел их в гостиной, Жорж и еще трое играли в карты. В гостиной приятно пахло дорогим табаком и можжевелевой водкой. Иначе чем еще можно было объяснить этот лесной запах.

Игроки, увидев Рубина, положили карты и встали, но не вскочили поспешно, как делал это Зоммер, а поднялись степенно, с достоинством. Эти люди знали себе цену. В блажном мире, везде, где подчиняются воровскому закону, это были князья налетов и грабежей. Рубин пожал всем руки, сел за стол, взял медовую карамельку из вазы. Жорж кивнул одному из своих людей, тот вышел и через несколько минут принес две бутылки с длинным горлышком. Зоммер взял с буфета бокал, со сноровкой официанта протер его салфеткой, поставил перед Григорием Львовичем. Потом, замотав салфеткой горлышко бутылки, вытянул штопором пробку, налил в бокал шипучий, манящий напиток.

– «Фиалка», – радостно засмеялся Рубин. – Вода «Фиалка». – Он взял стакан в руку и начал пить маленькими глотками пузырящийся напиток. В нем была горькая сладость детства, точно на пляжах Ланжерона, ностальгия по последней станции Фонтана. Только в Одессе делали эту воду на фабрике братьев Вебер. Подобрело на душе у Рубина, хорошо ему стало, ласково.

– Спасибо, ребята, – Рубин вылил в бокал остатки воды. – Ах, спасибо. Жорж, где у вас здесь телефон?

– В соседней комнате.

Григорий Львович встал, вышел в соседнюю комнату, обставленную точно так же, как гостиная, с литографиями маленьких южных городов на стенах. Он снял наушник.

– Барышня, 36–17, пожалуйста... Спасибо... Алло, можно ли пригласить к аппарату его превосходительство господина Козлова? Жду... жду... Ваше превосходительство... Рубин... Как здоровье ваше?.. Рад... Весьма рад... Дома, надеюсь, тоже всё в порядке... Всего один вопрос, Михаил Иванович... Наш друг когда выезжает из Парижа?.. Завтра?.. Значит, послезавтра будет в Вержболово. Понятно., понятно... Спасибо... желаю здравствовать.

Рубин вышел в соседнюю комнату.

– Жорж, Бахтин будет в Вержболово послезавтра. Берите мой мотор и на вокзал.

– А что делать с ним? – спросил Жорж.

– Что делать? – Рубин внимательно смотрел на Жоржа, так внимательно, будто впервые видел этого молодого крепкого человека. Рубин любил, чтобы его окружали красивые люди. И Жорж был так же, как и Зоммер, хорош собой. Только приятность его была северная, блондин с тонким лицом, с прекрасными манерами. Он был из бывших лицеистов, запутавшимся в карточных долгах, убившим свою престарелую любовницу и обокравшим ее. Следы он скрыл так искусно, что на каторгу попал племянник покойной, а Жорж нашел возможность легкого заработка, пристрастился к револьверу и ножу, организовал в Курске банду попрыгунчиков. В белых саванах, привязав к ногам пружины, они, страшно подпрыгивая, ночью появлялись перед жертвой. Шок или глубокий обморок. По городу ходили самые нелепые слухи. А всё кончилось просто: из Питера приехал Бахтин с двумя надзирателями. Неделю, одевшись в богатые шубы, они все ночи изображали пьяных купчиков. На восьмой день попрыгунчики запрыгали к ним. Двоих сыщики уложили на месте из наганов, одного взяли. Жоржу удалось уйти.

- Что делать? – еще раз повторил Рубин. – Смотри сам на месте.
- Мы и замочить можем.
- Мочи.
- А не удастся?
- Попугай.

Вот и всё. Сон кончился. Уплыл за окном парижский вокзал. Уплыли два ажана в синем, девочка с бантом в розовом «кондитерском» платье, какие-то усатые господа, два французских офицера-кавалериста в черных мундирах с длинными саблями в серебряных ножнах, красивая дама в черном... Уплыл Париж.

Бахтин удобнее устраивался в одиночном международном купе. С бархатом, плюшем, медью блестящем, с настольной лампой под красивым абажуром. Наступило прекрасное время полной отрешенности от всего. Ты уже не в Париже, но еще и не в Петербурге. Ты свободен от всех, кроме себя. Можно читать книгу, просто бездумно курить, сбрасывая пепел в бронзовую пепельницу, или потягивать винцо, благо взял кое-что в дорогу. А можно просто закрыть глаза, наслаждаясь комфортом.

Он так и сделал. Крутеж последних дней, банкеты, милая крошка из кордебалета подумили его. И Бахтин заснул. Разбудил его проводник, пришедший постелить постель. – Не желаете ли ужинать? – Желаяю.

- Здесь изволите, тогда я официанта приглашу, или в вагон-ресторан пойдете?
- А далеко ли ресторан?
- Следующий вагон.
- Послушай, братец, а нет ли чайку?
- Непременно есть, господин.
- Тогда покрепче, а то французы и не знают, как чай заваривать.
- Да куда им, – проводник довольно засмеялся. – Сейчас смешаю вам байховый с фабрикой Бродского. Это аромат... Не желаете ли бисквитов и бутербродов к чаю?
- А с чем бутерброды-то?
- С рыбкой.
- Нет, братец.

А за окном совсем стемнело, только огоньки, огоньки; вот маленький городок надвинулся. Острроверхий, залитый фонарным светом. Площадь, костел, три кеба. И опять побежали и сразу оборвались улицы. Уплыл городок за последний вагон. Проводник появился. На этот раз поверх мундира надета белая куртка.

- Попробуйте чаек, а вот бутербродик с ветчиной из буфета взял.
- Спасибо, братец, – Бахтин, протянул ему деньги, – да не надо, не надо сдачи.
- Покорно благодарим. – Проводник исчез. Выпив необыкновенно вкусный чай и съев бутерброд, Бахтин опять закурил.

Движение поезда всё ускорялось, скоро немецкая граница. В такт колесам дребезжала ложка в стакане. Бахтин не зажигал света. Спать не хотелось, читать тоже. На душе почему-то было спокойно и грустно. И вспомнил он тот самый проклятый день, когда попал в дом к присяжному поверенному Глебову. Что он видел-то до этого: сначала кадет, потом юнкер, потом полицейский надзиратель.

Все женщины без исключения казались ему прекрасными, музыка божественной, а обстановка шикарной. Хозяин и его супруга, да и большинство гостей были настолько любезны и приветливы с ним, что смущение первых минут вскоре рассеялось. Где-то в середине вечера хозяин подвел к Бахтину девочку лет двенадцати.

- Рекомендую, Александр Петрович, моя дочь Елена.
- Бахтин поклонился. Девочка посмотрела на него и спросила:
- Вы офицер?

– Нет, мадемуазель, я статский.

– А где вы служите?

– Александр Петрович сыщик, он ловит воров и убийц, – сказал Глебов.

– А это страшно?

– По-всякому, мадемуазель.

– Вы мне нравитесь, – сказала девочка и протянула Бахтину руку. Он прикоснулся губами к тонким пальчикам, вдохнул запах свежести, исходящей от них.

Больше его никогда не приглашали в этот дом. Петр Петрович любил преподносить гостям сюрпризы. Шалапин, Игорь Северянин, литератор Немирович-Данченко, генерал Куропаткин, даже Распутин побывали на его званых вечерах.

А в тот день – молоденький сыщик, романтическую историю которого знали многие. Для салона Глебова звезда Бахтина вспыхнула один лишь раз. А он ждал. Почти год надеялся, что ему протелефонируют приглашение или пришлют по почте. Потом уже, став опытнее, заматерев, изучив Петербург, он понял, что в такие салоны допускаются люди типа Лопухина и его первых помощников.

В прошлом году служебная необходимость заставила его попасть на Троицкую, 13, в Театральный зал Павловой, на благотворительный маскарад в пользу увечных воинов. Маскарад этот устраивало Юридическое собрание, билеты стоили пять целковых, да еще в залах шла аукционная торговля.

Его отрядили туда по службе, вместе с четверью надзирателями и несколькими агентами. Предполагалось, что на маскараде будет работать шайка варшавских карманников. Главарь ее, Косоверий Ляховский, – так он числился по последнему паспорту, а настоящего имени даже он не помнил, – по кличке Граф, разыскивался сыскными полициями четырех губерний. Любой праздник был стихией Графа, особенно маскарад.

Бахтин видел его только на фотографии. С глянцевої картины глядел на него красавец с пушистыми шляхетскими усами. Голова была гордо вскинута, взгляд прямой, смелый. На обороте надпись по-польски с тремя ошибками в четырех строчках. Нежные пожелания некоей Баське. Человек с такой запоминающейся внешностью должен был немедленно быть опознанным и арестованным. Но Граф был не таким. Усы наклеены, волосы... впрочем, он и сам, наверное, забыл их натуральный цвет.

В розыском производстве упоминалось вскользь, что, по словам Графа, он в молодости исколесил всю Россию с труппами провинциальных театров. Филиппов говорил, что Граф Ляхове кий пользуется гримом.

Каким же ярким и красивым был маскарад! Бахтин замер у дверей залы, замороженный мельканием красок. С хоров лилась музыка, и зал вместе с ней двигался и пел. Перемешались в танце бояре и мушкетеры, домино и арлекины, дамы в кринолинах и пейзажки. Но многие, как и он, были в обычных костюмах и платьях, только маски закрывали их лица. Бахтин поправил узкую черную маску. Да, нелегко было в этой круговерти найти щипачей. Но некоторый опыт, недаром шесть лет отработал в летучем отряде, подсказывал, они всегда там, где благотворительная торговля. Бахтин еще раз внимательно осмотрел зал, его люди успели смешаться с толпой и стали неотъемлемой частью этого веселого водоворота.

Кто-то бросил в него конфетти; заглушая музыку, выстрелила над ухом хлопущка, обсыпав его серебристыми, словно снег, маленькими звездочками.

В человеческой сутолоке пьяняще пахло духами и пудрой. Маски летели мимо него, как во сне. Здесь нельзя было стоять и Бахтин полетел, поскакал по залу в такт одному ему ведомой мелодии. Ее не играл оркестр, она рождалась внутри него и несла, крутила по залу. Чьи-то руки крепко обвили его шею, кто-то поцеловал его в щеку горячими губами. Сегодня можно всё, на то и маскарад!

Но всё-таки, хоть и с сожалением, ему удалось вырваться из веселой толпы. Благотворительный буфет и лотерея были на втором этаже, Бахтин поднялся по лестнице в большую залу, в которой были построены смешные теремки.

В каждом из них имелось большое окно, а в нем можно было увидеть красивую даму в кокошнике. Прелестная продавщица мило улыбалась целой куче мужчин в мундирах и фраках. Здесь цена бокала шампанского начиналась от двадцати пяти рублей и заканчивалась сотней. Здесь толпились только самые богатые люди столицы. Кое-кого Бахтин знал. Известно ему было, откуда у них эти сотенные и четвертаки, которые так небрежно падали на покрытый голландским полотном прилавок.

В сутолоке элегантных фраков Бахтин безошибочно отделил золотопромышленника Понарина от Виталия Граве, человека, собравшего состояние сводничеством. Он и сейчас содержал в десяти городах несколько тайных домов свиданий, азартно играл на бирже, давал деньги в рост.

А вот Сергей Гаврилов, один из крупнейших скупщиков краденого, с ним рядом Изя Майфельд, черный ювелир. В его мастерских переделываются украденные драгоценности.

Кого только нет в этой нарядной толпе. Сутенеры, игроки, мошенники...

А вот промелькнул человек хорошо знакомый: Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, сотрудник политхранки, выдающий себя за журналиста. Наверняка прошел сюда бесплатно по корреспондентской карточке.

Иван Федорович раздвинул острым плечиком толпу, пролез к прилавку. Бахтин тут же втиснулся в эту щель и увидел прелестную молодую даму, стоявшую за прилавком. Всё в ней было удивительно знакомым. Безусловно, Бахтин ее видел раньше. Но где и когда?

А Иван Федорович выкинул сотню, взял бокал шампанского и выпил, неотрывно глядя на прелестную продавщицу. Потом поставил бокал, вытер белоснежным платком рот и сказал:

– Кланяйтесь Петру Петровичу, Леночка.

– Мерси.

И тут только Бахтин понял, что это была дочь Глебова. Из прелестного подростка она превратилась в красивую молодую даму. Но и обручальное кольцо Бахтин увидел сразу. «Вы мне нравитесь», – выплыл в памяти Бахтина детский голос. И почему-то вдруг заколотилось сердце и даже жарко стало. Господи, да что же это? Видел он дам, и даже красивее. Был у него жгучий роман с красавицей певицей из «Буфф» на Фонтанке, 114, Ириной Нечволодовой. Его ближайший друг журналист Кузьмин, познакомивший его с Ириной, сразу же предупредил, что дама сия не для него, так как Бахтин взяток не берет. Но всё получилось. Почему-то тогда, в летнем саду «Буфф», он совершенно не робел, а сейчас... И всё-таки он решил подойти к прилавку. Конечно, шампанское за сотню ему не по карману, но стакан лимонада за красненькую, куда ни шло. Бахтин снял маску, встретился глазами с Еленой Глебовой и понял, что она его узнала.

– Добрый вечер, Елена Петровна.

– Это вы? – Женщина улыбнулась. – Вы пропали из моей жизни на тысячу лет.

– Всего на десять, Елена Петровна.

– Разве? Вы здесь веселитесь, Александр Петрович?

«Помнит имя», – обрадовался Бахтин.

– По мере сил, – улыбнулся он, – позвольте стакан лимонада. – Он положил на прилавок червонец.

Елена Петровна протянула ему стакан и сказала:

– Я сейчас попрошу распорядителя, чтобы меня заменили. Угостите меня мороженым?

– Конечно. Извольте.

– Тогда идите к окну.

У окна, словно на заказ, стояло два жиденьких кресла, обитых светлым штофом. Бахтин взял мороженое и, держа блюдечко в руках, следил, как медленно оплывает розоватый кубик. Вот уже на доньшке блюдца появилась розовая пленка, а Лена не шла. Вот начала опадать макушка, а ее всё не было. Она появилась, когда почти весь кубик растаял.

– Ну и хорошо, – она взяла блюдце, – теперь точно не застужу горло. – Она села удобно, съела первую ложку. – А теперь давайте говорить.

Графа он так и не взял в тот вечер, резко изменивший всю его жизнь.

Елена была замужем за чиновником Министерства Императорского двора и уделов. Муж ее, статский советник Алексей Егорович Кручинин, был столоначальником в Департаменте уделов и занимался императорским имуществом за границей. В настоящее время он находился в Швеции. В том году двоюродная сестра царя, великая княгиня Мария Павловна, вышла замуж за второго сына шведского короля Густава. В качестве свадебного подарка царь построил молодым дворец. Но мало того что построил. Шведская династия была не очень богатой и содержать великую княгиню было поручено министру двора и уделов графу Фредериксу. Вот почему статский советник Кручинин пять месяцев в году находился в Швеции. На этот раз он уехал на две недели, и отсчет дням этим только начался...

Год этот он прожил лихорадочно, горячечно как-то. Когда не было Кручинина летом, они уезжали на смешном прогулочном пароходе Островской линии на Крестовский остров. Сидели у Летнего сада и мимо Выборгской, Ботанического сада, Черной речки, Новой деревни, Славянки прямо на Крестовский остров. В знаменитый сад, который никогда не посещали знакомые Лены Кручининой. Там они обедали в дощатом, летнем ресторане.

Бахтина здесь знали, поэтому кормили отменно. Потом, ближе к вечеру, они уезжали к нему на Офицерскую. Когда же Кручинин был в Петербурге, то встречи их становились реже. Иногда она приезжала к нему на Офицерскую, иногда они уезжали на паровом трамвае со Знаменской площади до конечной остановки деревни Мурзинки и гуляли там по дороге вдоль рощи.

Перед самым Новым годом, кухарка Мария Сергеевна, ворвалась в его кабинет:

– Барин, к вам господин.

– Какой?

– Важный очень. Одет богато, как шулер.

– Проси, – усмехнулся Бахтин. – За время службы у него Мария Сергеевна выработала собственную градацию социального положения его гостей. Бахтин надел пиджак и вышел в гостиную. В кресле сидел Глебов.

– Чем могу? – Он даже голосом не выдал своего волнения. Глебов подошел, протянул руку.

– Квартира казенная? – поинтересовался он. – Видимо, о трех комнатах?

– Да. – Бахтин пытался предугадать, когда известный петербургский златоуст перейдет к главному.

– Чин на вас, Александр Петрович, надворный советник, переводя на армейскую величину, подполковник. Стало быть, дослужились до звания ваше высокоблагородие. А жалованье ваше?

– А, собственно, зачем вам?

– Зачем мне? – Глебов достал сигару, вынул из жилетного кармана золотые ножнички, обрезал кончик. – Позвольте спички.

Бахтин взял со столика коробок, протянул ему.

– Мерси. – Глебов выпустил тугое облако дыма. – Итак, жалованье ваше со всеми надбавками за чин одна тысяча четыреста тридцать рублей в год. Так?

Бахтин молчал, догадываясь, куда направляет беседу Глебов.

– Взятки вы не берете, это я знаю доподлинно. Наградные к праздникам, за удачные дела – пусть пятьсот в год, столовые вы не получаете.

– Простите, Петр Петрович, кто дал вам право приходить ко мне и считать доходы?

– Справедливо, милый друг...

– Извольте говорить со мной без амикошонства.

– И это справедливо. Так вот, Елена мне рассказала всё. Вы думаете, что я негодай, не желающий счастья дочери. Ошибаетесь. Если бы она полюбила вас девицей и вы пришли ко мне, я бы отдал ее вам, правда, перевел бы вас на другую службу.

– Куда же? – усмехнулся Бахтин.

– В ваш же департамент, чиновником, старшим письмоводителем, помощником столоначальника, потом столоначальником.

– Благодарю, Петр Петрович, я знаком с устройством департамента полиции.

– Но сейчас я не могу, чтобы Елена бросала мужа. Кручинин – господин со связями, вхожий в дом графа Фредерикса, вы можете опять попасть в историю.

– Что вы хотите от меня?

– Оставьте Елену в покое.

– Это зависит не только от меня.

– Вот письмо. Подождите, не читайте. Елена делает это не только ради вас, но и ради нашей семьи. Когда-нибудь вы это поймете.

«Саша! Милый! Прости меня. Я отрелась от тебя, но так будет лучше для всех. Прости. Елена».

Бахтин подошел к окну. На мостовой околоточный надзиратель гонял прочь ломового извозчика. Околоточный грозил ему кулаком, затянутым в кожу перчатки, а извозчик, видимо хвативший лишку, кланялся шутейно в пол, как купец Иван Калашников из спектакля Народного театра.

– Что мне передать Елене, Александр Петрович?

– Я выполню ее просьбу.

– Честь имею.

Бахтин стоял не поворачиваясь. Скрипнула дверь, и Глебов сказал:

– Вы знаете, зачем я пересчитывал ваши деньги? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Их очень мало, чтобы устроить жизнь для женщины, привыкшей к определенному образу жизни, но одновременно очень много, чтобы потерять за один день.

Дверь хлопнула. Бахтин так и не обернулся...

Наступила ночь. Немецкую границу миновали и покатил поезд к Берлину.

А там уж и Эйдкунен, немецкая пограничная станция.

Над вокзалом Вержболово висели тучи. Они наплывали со стороны Варшавы и были угрожающе темными. Не просто черными, а с каким-то синеватым отливом даже.

Родина встречала плохой погодой. Первый, кого увидел Бахтин, был начальник жандармского пограничного управления полковник Веденяпин. Занимаясь делом братьев Гохман, Бахтину часто приходилось работать с ним, так как жандармский пограничный пункт выполнял чисто полицейские функции. Он искренне обрадовался полковнику.

Веденяпин увидел его в окне, приложил руку к козырьку, поспешил за вагоном.

Наконец лязгнули буфера, и состав замер у перрона. Веденяпин вошел в купе. Они крепко пожали друг другу руки.

– Александр Петрович, стоянка долгая. Милости прошу ко мне, закусить.

Бахтин спустился на перрон, заполненный толпой пассажиров, посмотрел на здание станции, украшенное чуть позеленевшим от времени орлом, и понял, что он дома. Чувство это было секундным, обжигающим и радостным. Разве ему плохо было в Париже? Наоборот. А

вот приехал в Россию и вздохнул облегченно. Видно, такая уж его судьба. Видно, повязался он до могильного креста с этой нелепой и доброй страной.

Обедали они в кабинете Веденяпина. Обед был отменным, вино восхитительным. К кофе подали ликеры.

– А теперь за вас, Александр Петрович, за голову вашу светлую, за награду. – Полковник дотронулся пальцем до розетки Почетного легиона, в петлице бахтинского пиджака.

– Спасибо, Андрей Валерианович, от всей души. Я тоже за вас и за награду вашу выпить хочу.

– Как это? – Веденяпин даже покраснел от удовольствия.

– А вот, – Бахтин достал из кармана номер парижской «Официальной газеты», – здесь имеется правительственное сообщение о награждении вас орденом «За заслуги» и двух ваших унтеров медалями.

– Спасибо, Александр Петрович, уважили, спасибо. А то у моего-то предшественника Мясоедова восемнадцать иностранных наград было. А за что? Спасибо, не забыли.

– Это не я, это французы да литератор Кузьмин.

– Светлый человек Евгений Петрович, нынче либеральные литераторы про наши полицейские дела писать стесняются, как бы в связи с департаментом не уличили.

– Русский либерал, – засмеялся Бахтин, – понятие особое. Презирать полицию у них признак хорошего тона. Бороться с судопроизводством – мужество. А почитайте статьи, послушайте речи, особенно в Татьянин день, об ужасах нашего Уголовного уложения. Люди, сидящие в тюрьмах, для них меньшие братья. Они забывают, что защищают убийц и разбойников. А еще Шекспир сказал, что ничто не одобряет порок, как излишняя снисходительность.

– Правы, голубчик, ох как правы. А теперь вот. – Веденяпин открыл стол, достал наган-самовзвод, протянул Бахтину.

– А зачем он мне, Андрей Валерианович? – с недоумением спросил Бахтин.

– Такое дело, мой дорогой. Мясоедов, о котором я изволил вспомнить, был, конечно, жуликоватый господин, но работать умел. Великий агентурщик. Часть своей личной агентуры передал мне. Так вот, один из них, по кличке Пекарь, дал мне информацию особо ценную, вас касающуюся.

– Меня?..

– Да, голубчик, вас. Кому-то вы сильно на хвост наступили с делом братьев Гохман, поэтому вас и приказано убрать.

– Кому? – Бахтин внутренне собрался.

– Кто исполнители, не известно, а организатор некий Жорж Терлецкий. Знаком он вам? Бахтин сразу вспомнил эту фамилию. Пятидесятилетняя вдова сенатора Попова, убитая якобы племянником, дело попрыгунчиков. Хотя арестованные и не показали на бывшего лицеиста, но он стоял за этой бандой.

– Так знаком он вам? – переспросил полковник.

– Еще бы.

– Опасный субъект?

– Как и все.

– Так что берите наган и патроны. В соседнем купе, вы уж не обижайтесь, поедут двое моих унтеров в штатском, повезут в Питер кое-какие изъятые ценности. Заодно они за вами присмотрят. Веденяпин достал часы, шелкнул крышкой. – Пора, мой друг, пора.

– Покою сердце просит, – в тон ему ответил Бахтин.

А на перроне маленький оркестрик играл вальс «На сопках Маньчжурии». Мелодия его была знакома и нежна. Внезапно в музыку оркестра ворвался медный, требовательный звон колокола, ему ответил свисток обер-кондуктора, басовито крикнул паровоз, задудел стрелоч-

ник. Это была музыка железной дороги. Симфония станций, баллада паровозов, элегия стальных рельсов.

И вновь серебристая трель обер-кондуктора. Вновь ему отвечает паровоз...

Выстрела Бахтин не услышал, просто пошло трещинами в двух сантиметрах от его головы вагонное стекло, а пуля мягко шелкнула в бархат обивки. Он рванул из кармана наган, выскочил на площадку, стреляли с другой стороны, не с перрона, а от пакгаузов. Да какой там. Разве увидишь что. Поезд набирал скорость.

В Петербург приехали в полдень. Унтеры ловко подхватили немудреный багаж Бахтина. На перроне его ждали Кузьмин, старший надзиратель Литвин и пристав Литейной части полковник Савронский. Кузьмин – друг, Литвин – вернейший помощник, а при чем здесь Савронский? Видно, привалило дело какое-то срочное. Усевшись в пролетку, Бахтин спросил пристава:

– Ну что, Гаврила Мефодьевич, плохо?

– Хуже некуда, голубчик Александр Петрович. Два трупа.

– Кто?

– Да люди-то дрянные. Скупщики краденого. Гаврилов... – Сергей? – Ну да. Кровосос. И Шостак. – Борис. Старьевщик. Когда? – Одного третьего дня. А одного сегодня утром.

– Так что же у вас голова-то болит, – засмеялся Бахтин, – радоваться должны. Двух таких мазуриков свои же на тот свет отправили.

– Так, оно конечно. Только этих-то мы знали, а вот кто-то на их место придет? А потом у Гаврилова брат действительный статский советник, по благотворительному обществу...

– Он, кажется, ночлежки содержит?

– Именно, голубчик. Но чин купил благотворительными взносами. Мундир с серебряным шитьем надевает, треуголку и – ко мне, в часть, и, конечно, скандал. А людей при нем кормится пол-Питера. Всё время телефонируют, так поверите, я канцеляристу запретил звать меня к аппарату.

– Труба ваше дело, – засмеялся Бахтин.

– Они очень за имущество пережинают, – вмешался в разговор Литвин, – имею данные, что Гаврилов Павел своему брату на хранение какие-то бумаги и драгоценности сдал.

– Сведения-то верные? – спросил пристав. Литвин промолчал. Он на такие глупые вопросы не отвечал никогда, у него просто не было неверных сведений.

– Кто делом-то этим занимается? – спросил Бахтин.

– Гавриловым – я, а Шостаком – господин Панкратов с Нечаевым.

– Так чего же вы от меня хотите? – спросил Савронского Бахтин. – Всё идет, как надо.

– Голубчик Александр Петрович, надеюсь только на вас, меня вчера полицмейстер вызывал. Лучше и не рассказывать. – Полковник махнул рукой и отвернулся.

Наверное, именно сейчас пришла ему в голову мысль, что напрасно он, прельстившись повышенным окладом, кормовыми, бесплатной квартирой да благодарностями от купечества, бросил тихую армейскую службу. Тянул бы себе лямку в гарнизоне, стал бы батальонным командиром, а может быть, попал бы в уездные воинские начальники. Тихо, спокойно. А здесь? Литейная часть на виду. То кража, то убийство, то деонстрация. И спрос с него, с Савронского. А ему двух дочек надо за хороших людей устраивать. Кому пожалуешься?

А пролетка уже закончила свой путь от Варшавского вокзала до Офицерской. У подъезда дома стоял городской. Увидев Савронского, он подбежал к коляске, вытянулся.

– Так что, ваше высокоблагородие, передал.

– Молодец, Тимофеев, – Савронский тяжело спрыгнул на тротуар, – иди себе с богом, братец, в участок.

– Слушаюсь, – проревел городской.

Дверь им открыла Мария Сергеевна. Всплеснула руками, засуетилась.

– Голубчик вы мой, Александр Петрович, приехали. Слава Богу. А я-то здесь извелась совсем. Стол с утра накрыт, жаркое вот-вот поспеет, а вас всё нет да нет.

– Здравствуй, Сергеевна, я тебе гостинчик из Парижа привез, вещи разберу и дам.

Маленькую квартиру Бахтина заполнили люди. Савронский с Кузьминым сразу пошли в столовую, Литвин на кухню.

– Гаврила Мефодьевич, дай ему Бог здоровья. – кухарка перекрестилась, – окороку, рыбки да фруктов вам прислал. Дай ему Бог благополучия всякого. Душевный человек.

Бахтин усмехнулся и подумал, что бы сказали постоянные клиенты милого полковника, услышав о его душевности. В определенных кругах Савронский слыл человеком нрава крутого и жестокого.

Сели за стол. Выпили по первой. Беседа только начала налаживаться, как звякнул колокольчик входной двери. Сергеевна водрузила на стол фаянсовую миску с супом и бросилась открывать. В прихожей послышался ее голос:

– Ой, батюшки...

В столовую вошел Филиппов.

– Приятного аппетита, господа. С приездом, Александр Петрович, налей-ка, брат Литвин, мне рюмашку да семужки на вилку зацепи.

– Так к столу просим. – Бахтин подошел к начальнику.

Филиппов выпил, зажмурился, словно прислушиваясь, как водка проходит горло, разливаётся теплом в животе. Потом закусил со значением и сказал:

– Господа, сожалею очень, что нарушил вашу компанию. Но служба требует. Александр Петрович, собирайся, милок. Дай вы, Гаврила Мефодьевич, поспешите, третий труп у вас.

– За что, Господи, – истово перекрестился пристав. – Ну чем я разгневал тебя? Ну почему не в Выборгской, не в Петроградской...

– Вы, господин полковник, – Литвин уже натягивал пальто, – не берите близко к сердцу. Там тоже своих хлопот хватает.

– Можно мне с вами? – спросил Кузьмин.

– А почему нет? – Филиппов поправил котелок. – Я распорядился репортеров вообще не допускать. Думаю, дай другу заработок облегчу.

– Кого убили-то? – спросил Бахтин.

– Фоста. Карла Петровича.

– Значит, третий, – мрачно подсчитал Литвин.

– Труп, что ли?.. – зло спросил Савронский.

– Да нет, – продолжал мысль Литвина Бахтин, – скупщик краденого. Ведь кличка Фоста – Паук. Так, Орест?

– Именно, – Литвин распахнул дверь, – прошу.

На лестнице Бахтин сказал Филиппову:

– Владимир Гаврилович, а ведь убийства-то эти наверняка связаны между собой.

– Оно, конечно, так, – вздохнул Филиппов, – но лучше, если бы их замочили порознь.

Три разных жигана.

– Почему?

– Искать легче. Один труп-то на себя кто-нибудь да возьмет, если поднапряжемся. А сразу три...

– Владимир Гаврилович, а вы уже подставки ищите?

– А как же, голубь мой, к градоначальнику не вас, а меня потянут.

– Оборонимся как-нибудь.

– Дай-то Бог.

И пока они ехали в пролетке, Бахтин думал, как рассказать начальнику историю о происшествии в Вержболово. Но Филиппов сам заговорил об этом.

– Мне в департаменте рассказали о том, что в вас стреляли. Поданным Веденяпина, это Терлецкий устроил.

– А как это докажешь? – Бахтин достал папиросу. Литвин ловко зажег спичку, закрыл ее ладонями от ветра, Бахтин глубоко затянулся. – Как докажешь-то? – повторил он.

– Я велел Бородину и Кацу начать его разрабатывать.

– Пора. А то он нырнул куда-то и никаких следов по сей день.

– А хоть бы и были следы, что ему инкриминировать можно было-то? За сенаторшу Велихову племянник сидит, курские налеты ему доказать не удалось. Что еще?

– Вот и плохо, Владимир Гаврилович, что мы по той поговорке: «На охоту ехать – собак кормить».

– А вы, голубчик, хотите, как во Франции или Германии, или других просвещенных странах. У них сыщики – гордость общества, а у нас враги. Вот потому у нас так мало хороших криминалистов. Люди-то к нам идут не по призванию. Обстоятельства жизни да неудачи приводят человека в полицию. Ну вот и приехали.

У арки, ведущей во двор, стоял околоточный в новом форменном пальто. Он был совсем молоденький, видимо, только-только из полицейского резерва, поэтому всё происходящее воспринимал со значением и важностью. Увидев начальство, он подбежал к пролетке, помогая вылезти Савронскому. У пристава было такое несчастное лицо, что Бахтин чуть было не расхохотался.

– Не печальтесь, господин полковник, – серьезно сказал Литвин, – господин Бахтин все ваши трупы поднимет.

– Дай-то Бог. – Савронский приподнял фуражку, перекрестил лоб.

Ну вот и опять работа. Опять всё с самого начала. Бахтин вошел в глухой, как колодец, типично петербургский двор. Именно в таких должны были жить типы Достоевского. Именно эти мрачные задворки могли породить ту страшную петербургскую жизнь, так образно описанную писателем.

У подъезда стояли городовые, во дворе толпились любопытные. Фост владел четырьмя доходными домами в разных концах города. Контингент проживающих: мелкие чиновники, ремесленники, студенты, да и просто люди, выброшенные к этим мрачным причалам жизненным морем.

Бахтин хорошо знал такие дома. На них лежала особая печать. Переступив порог, ты должен был оставить во дворе все свои надежды и мечты. В таких домах находили приют воры, проститутки, беспатентные торговцы. И сейчас это шестиэтажное мрачное строение вызывало в нем некую неприязнь, словно живой человек.

Фост был одним из самых крупных и удачливых скупщиков краденых драгоценностей. В разных банках страны и в «Лионском кредите» у него лежало несколько миллионов. О его скупости ходили легенды. Один из самых богатых людей столицы жил в собственном доме в самой дешевой квартире, сам себе готовил, посылал дворника на рынок, в ряды, где торговали потрохами и мясными обрезками. Но в преступном мире у Фоста был непоколебимый авторитет и кличка Паук. Через этот дом прошло несметное количество краденого золота и камней.

– На шестой этаж, ваше высокоблагородие, – взял под козырек городской.

– Высоко жил.

– Так к Богу ближе, – второй городской усмехнулся в усы.

– Орест Дмитриевич, – Бахтин повернулся к Литвину, – спросите пока зевак, может, что...

– Понял, Александр Петрович.

Лестница была мрачна, грязна и бесконечна. Казалось, что она выходит на небо. Бахтин шел мимо мрачных дверей, на большинстве которых не было номеров. На площадках толпились жадные до сенсации люди. В их однообразной, беспросветной жизни нынешнее происшествие было важным событием.

Городовые стучали сапогами и гремели шашками за спиной. До чего же крутая лестница! Надо же было так нелепо построить дом. Бахтин, отдуваясь, поднялся на верхний этаж. Лестница закончилась. Вот дверь квартиры Фоста, пробитая пулями, распахнутое грязное окно, железный трап, ведущий к чердачному люку.

– Чердака нет, – сказал за спиной Литвин, – там прямо крыша.

– Откуда знаете?

– Был в этом доме.

Внезапно окно затрещало, ухватившись за раму, с крыши вылез чиновник для поручений Борис Ильин.

– Здравствуй, Саша, с приездом.

– Здравствуй, Борис, ты чего там делал?

– Следы там, Саша, преступник по крыше ушел.

– Ты бы рассказал, как было дело.

– Соседка снизу, вдова титулярного советника Скопина, услышала, как над головой шесть раз грохнуло. Она открыла дверь и почувствовала запах пороха. Поднялась наверх, увидела дырки в двери и побежала к дворнику.

– Когда это случилось?

– В полдень.

– Что на крыше?

– Следов особенно нет, но убийца там револьвер перезаряжал.

Ильин вынул руку из кармана, разжал кулак. На ладони лежали шесть медных закопченных гильз. Бахтин взял одну, поднес к глазам.

– Наган-самовзвод офицерского образца. Имеет характерный почерк, капсюль разбит у левого края. Видимо, боек запиленный.

– Не боится нас, – сказал Литвин, – поэтому гильзы и эжектировал.

– А чего бояться-то? – Полковник Савронский, отдуваясь, возник на площадке.

– Ох, жиганьё, жиганьё, – сказал он, разглядывая простреленную дверь. – Это же надо...

Понятых, что ли, звать, Александр Петрович?

– Зовите.

На площадке появились какие-то люди и городской с ломом. Он умело засадил лом под филенку. Нажал. Дверь скрипнула, но не поддавалась. Городовой налег еще сильнее. Тот же результат.

– Ты что же это, братец, – сказал Савронский, – силу утратил?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, дверь, видать, дубовая.

– Ишь ты, а, посмотрев на нее, не скажешь.

– Еще бы один лом нужен...

– Где дворник? – рявкнул Савронский.

– Здесь мы, здесь, ваше высокоблагородие, здесь мы, несем.

Дверь крушили в два лома, уже не пытаясь развалить коробку, били прямо в полотно. Дом гудел. Наконец с хрустом вылетел первый замок, но дверь всё равно не поддавалась.

Бахтин отошел к окну. Над крышами Петербурга в голубом мареве плавало солнце. И в свете его даже эти обшарпанные, залатанные крыши казались красивыми. Удивительно жил этот город. То лихорадочно, горячечно, то вновь медлительно-лениво. И Бахтин был частью его жизни, он спешил вместе с городом, а иногда останавливался на мгновение, чтобы через секунду продолжить свой бег. Он достал папиросу, но не закурил, почувствовал некое беспо-

койство. Какое-то странное чувство, словно что-то силился он вспомнить и не мог. И он начал заново прокручивать в памяти двор, подъезд, лестницу, площадку, дверь, пробитую пулями, Ильина, влезającego в окно... Точно, конечно же, высверк. Он подошел к окну и увидел этот высверк. И сейчас, даже на солнце, он увидал его. Кто-то из дома напротив следил за ними или в подзорную трубу, или в бинокль. Он словно пробежал глазами по длинному ряду окон дома напротив и вновь увидел блеск оптики.

– Литвин, – сказал Бахтин не оборачиваясь.

– Здесь я, – ответил за плечом надзиратель.

– Пятое окно в последнем этаже видишь?

– Понял.

Бахтин обернулся, Литвина уже не было.

Наконец дверь выбили. Городовые в сердцах бросили ломы об пол, и они с плачущим звоном укатились в угол.

– Ну, что ж. – Бахтин подошел к двери и увидел двух новых персонажей сей трагедии: судебного врача Брыкина, следователя судебной палаты статского советника Акулова. Настроение у него сразу испортилось. Он терпеть не мог этого самоуверенного, высокомерного человека. Акулов был одет так, словно приехал не на убийство, а в Английский клуб. Он вообще слыл в городе британофилом и злые языки поговаривали, что он вот уже несколько лет безуспешно пытается выучить английский язык.

– Я войду первым, – безапелляционно изрек он и, брезгливо покосившись на потных городовых, вошел в разбитую дверь.

– Доктор, пожалуйста, сюда, – раздался его голос. Брыкин, подмигнув Бахтину, вошел в квартиру. Все стояли и ждали, и это начало бесить Бахтина. Он подождал еще минуту и вошел в квартиру. Акулова не было, он, видимо, ушел в одну из комнат, рядом с дверьми. Брыкин наклонился над телом убитого.

– Четыре дыры, – врач поднял голову, – как стрелок-то этот сподобился. Видать, большой умелец. Я вам, Александр Петрович, пули после вскрытия отдам. Вы же у нас криминалист.

Из глубины квартиры появился Акулов, недовольно взглянул на Бахтина.

– Ну что, доктор? – Он обращался к Брыкину, подчеркнуто игнорируя Бахтина.

– Что вы имеете в виду?

– Причина смерти.

– Извольте взглянуть.

– Ваше мнение?

– Убит из неизвестного огнестрельного оружия, предположительно из нагана или браунинга.

– Как вы сделали вывод?

«Господи, какой непроходимый дурак, – подумал Бахтин, – неужели опять придется работать с этим напыщенным идиотом».

А тем временем Литвин коротким свистком вызвал дворника. Тот подбежал, топая сапогами.

– Слушаю, ваше благородие.

– Пятое окно в последнем ряду видишь?

– Так точно.

– Кто там проживает?

– Так что господин Гензелли.

– Кто?

– Гензелли, ваше благородие, из цирка господин. Он в цирке «Модерн» на Кронверкском проспекте служил.

– Служил?

- Так точно, теперь он вроде как пострадавший инвалид. С крыши упал.
- Он в каком номере проживает?
- В шестнадцатом.
- А зовут его как?
- Как обычно, Трушкин Егор Степанович, а Жорж Гензелли это вроде...
- Понятно. – Литвин пошел к подъезду.
- Вас сопроводить? – крикнул в спину дворник. Литвин не ответил и скрылся в парадном.

То, что у дома другой владелец, чувствовалось сразу. Лестница была чистой, перила целые, крашенные, двери сияли медью заклепок и ручек.

Литвин был человеком молодым, регулярно посещал занятия гимнастического кружка, где истово обучался английскому боксу, к которому его приохотил Бахтин, поэтому взбежать до последнего этажа ему ничего не стоило. Ему оставался всего один пролет, и тут Литвин услышал какой-то странный скрип и услышал песенку, которую пел кто-то тихо-тихо. Литвин поднялся и увидел человека, сидящего в коляске и натирающего тряпкой дверную ручку.

- Добрый день. – Литвин приподнял котелок.
- Мое почтение, – весело улыбнулся человек в коляске.
- Вы господин Гензелли? – Литвин специально назвал псевдоним, зная, что его собеседнику это будет приятно.
- Это я. Но лучше зовите меня Егор Степанович. С кем имею честь?
- Я из сыскальной полиции. – Литвин показал значок.
- Вот это встреча. Впрочем, так и должно было быть.
- Почему?
- Сейчас узнаете. Прошу. – Трушкин распахнул дверь.

Стены коридора были завешаны фотографиями. Виды Петербурга плотно, рамка к рамке, висели на стенах. Особенно много было крыш, шпилей, маковок церквей, солнца, поднимающегося над городом. Некоторые виды Литвин узнавал, ему попадались открытки с этими фотографиями, что-то он встречал в журналах.

– Ушел из цирка, – хозяин проехал на колясочке в комнату, – и вот увлечение свое в профессию обратил.

Вслед за Егором Степановичем Литвин вошел в небольшую комнату, которая, видимо, была гостиной. Со стен на него смотрели глаза. Десятки лиц – мужских, детских, женских – улыбались или хмурились, или печалились на фотографиях. Литвина поразило своей красотой особенно одно женское лицо, но самое удивительное, что оно было ему откуда-то знакомо. Фотографу удивительно точно удалось передать ясные глаза, нимб пушистых волос. Литвин подошел ближе. Конечно, это же фотография актрисы Поливицкой. Еще реалистом Орест Литвин бегал на ее спектакли в Киеве. И он вспомнил киевский вечер, фонари у входа в театр, желтые пятна света на пушистых сугробах, высокая, ясноглазая женщина, сажающаяся в легкие санки. Господи, всего несколько лет прошло, а кажется, как давно это было...

- Узнали? – ворвался в воспоминания голос хозяина. – Поливицкая.
- Она. Великая актриса. Покорительница юга России. У нее в Киеве ангажемент был, а мы там представляли в шапито. Вот она и согласилась позировать мне для портрета.
- А я ваши пейзажи и портреты встречал, – сказал Литвин, – в журналах, на открытках.
- Весьма польщен. Так вы, видимо, ко мне по поводу человека на крыше. Я как знал, пластинки эти проявил и напечатал. Минутку.

Егор Степанович выехал из комнаты, оставив Литвина наедине с фотографиями. Он снова подошел к портрету актрисы. И снова вспомнил Киев, дом на Лукьяновке, библиотеку Идзиковского на Крещатике, старый забытый парк «Кинь грусть», принадлежащий киевскому меценату Кульженко. Он был всегда закрыт. Но Литвин знал сторожа, и тот пускал его.

После последнего экзамена в реальном они пошли в кабачок на Владимирском спуске, нарушив тем самым строжайшую инструкцию Министерства просвещения. За посещение питейных заведений ученикам гимназий и реальных училищ полагался «волчий билет». На более доступном языке это означало исключение без права поступления в любое учебное заведение Российской империи. В кабачке их случайно увидел инспектор училища, человек чудовищно злой. Их было трое. Вместо аттестата они получили формуляр, то есть «волчий билет». С ним не принимали даже в пехотное училище. Всё. Двое его друзей уехали учиться за границу, у их родителей были средства, а он пошел в полицию. Вот и вся история.

В коридоре заскрипели колеса коляски, в комнату въехал хозяин.

– Ну вот, смотрите. – Он положил на стол сырые отпечатки. – Вот, – Егор Степанович аккуратно разгладил один.

И Литвин увидел человека, эжектирующего гильзы из барабана револьвера. Снимок был сделан настолько искусно, что была видна цепочка падающих гильз.

– Вот это да, – восторженно сказал Литвин, – а крупнее?..

– А вы этот посмотрите.

С влажного отпечатка на Литвина смотрело незнакомое лицо. Литвин взял отпечаток, взгляделся внимательно. Нет. Он никогда не видел этого человека.

А тем временем в квартире убитого закончили писать протокол. Акулов диктовал его судебному канцеляристу, играя голосом, словно был не на происшествии, а на подмостках любительского театра.

– Предполагаю, – звучно произнес в заключение Акулов, – настоящее убийство совершено на почве ревности, так как преступник в квартире оставил нетронутыми все ценные вещи. Финита.

Судебный следователь устало провел рукой по лицу. И тут Бахтин заметил Кузьмина, сидящего в углу на стуле и делающего заметки в записной книжке. Так вот для кого был устроен этот спектакль! Для Кузьмина. И, словно подтверждая бахтинскую догадку, Акулов сказал:

– Вот видите, дорогой господин литератор, чем приходится заниматься интеллигентному человеку? Тяжелый хлеб. Но он необходим обществу.

– Вы твердо уверены, что Фост убит ревнивцем?

– Поверьте моему опыту. – Акулов достал трубку, набил ее табаком, раскурил. – Теперь главное – найти предмет ревности! И мы его найдем. Заезжайте денька через два ко мне на Литейный, протелефонируйте по номеру 43-122 и милости прошу.

Акулов, весьма светски поклонившись всем, исчез за дверью.

– Ну что ж, – Бахтин повернулся к Ильину, – давай начнем, Боря, труд наш неблагодарный. И начался обыск.

Литвин появился, когда всё подходило к концу. На столе в гостиной лежали письма, фотографии, пачки денег, внушительная горка золотых изделий. Бахтин наугад взял браслет с бриллиантами, лежащий на самом верху, достал лупу. У самой застежки четко обозначилась латинская «с».

– Этот браслет, – повернулся он к Ильину, – убитой мадам Сомовой.

– Неужели? – Ильин взял браслет. – Действительно, очень схож по описанию.

– Нужно всё здесь проверить. Думаю, Паук много здесь чего собрал.

– Господин Бахтин, – из кухни вышел околоточный надзиратель, – тайник нашли.

Ну что, кухня как кухня. Плита, рядом кусок пола, обитый жестью. Только сейчас жесть отогнута и видна металлическая крышка ящика со скважиной замка.

– А ну-ка, принеси мне ключи, – сказал Бахтин околоточному.

– Какие?

– На столе рядом с драгоценностями связка лежит.

Значит, здесь хранил свои тайны Фост-Паук. Неужели здесь знаменитая книга, о которой рассказывали громы. Ее страницы – история крупнейших налетов, самых дерзких ограблений, искусных краж.

Вместо околоточного появился Литвин. Бахтин посмотрел на него и понял, что у надзирателя есть что-то интересное.

– Сначала сундучок этот откроем, – усмехнулся Бахтин.

Он выбрал на связке тяжелый ключ с затейливой головкой, вставил его в скважину, повернул. Крышка откинулась неожиданно легко. На дне ящика лежала амбарная книга и несколько футляров, в которых хранят драгоценности.

– Впишите всё это в протокол. Что у вас, Литвин?

Литвин молча разложил на кухонном столе фотографии.

Директор департамента полиции Сергей Петрович Белецкий только что вернулся от министра. Разговор обеспокоил его. Макаров в несвойственном ему резком тоне спросил Белецкого:

– Сергей Петрович, доколе ворами и разбойникам будет вольготно жить в столице нашей?

– Что вы имеете в виду, ваше высокопревосходительство?

– Вчера на малом приеме государь обратился ко мне с таким же вопросом.

– Чем недоволен его императорское величество?

– Серией кошмарных убийств, о которых ему доложил полковник Спиридович.

– Ваше высокопревосходительство, с каких пор начальник охраны царя вмешивается в дела уголовного сыска? В чем здесь дело?

– Не знаю. Но настаиваю, чтобы вы строжайше разобрались с этими убийствами.

– Ваше высокопревосходительство, убиты четыре скупщика краденого. Так сказать, свершился суд Божий.

– Не знаю, ничего не знаю и знать не хочу, немедленно наведите порядок!

У себя в кабинете Белецкий, раздумывая над словами министра, решил, что один из убитых, видимо, Фост, был агентом дворцовой охраны, так как Департамент полиции располагал сведениями, что он берет вещи в заклад у особ весьма значительных. Многие карточные трагедии заканчивались в квартире Фоста. Интересно, где сейчас эти драгоценности, видимо, из-за них и поднят скандал. Белецкий подошел к стене, снял трубку телефона, закрутил ручку, назвал номер 43-880.

– Сыскная полиция.

– Кто у телефона?

– Чиновник для поручений Комаров. Кто телефонировал?

– Это Белецкий. Где Филиппов?

– Сейчас позову, ваше превосходительство.

Через несколько минут в трубке послышался уверенный голос начальника сыскной полиции.

– Весь внимание, ваше превосходительство.

– Скажите мне, господин статский советник, доколе будут продолжаться убийства во вверенной нам государем столице империи?

– На всё воля Божья, – в голосе Филиппова звучала насмешка, – но тем не менее, ваше превосходительство, скоро мазуриков возьмем.

– Откуда такая уверенность?

– Так Бахтин за конец веревки уже уцепился.

– Что ж, пусть и на нас поработает. А то все парижские газеты о нем взхлеб пишут.

– Так от Бога же криминалист.

– Пусть постарается, тем более что государь ему сверх срока пожаловал Владимира четвертой степени. – Белецкий повесил трубку, покрутил ручку телефона.

Ну, что ж. Он доволен. Бахтин – человек толковый. По следу идет, как хорошая гончая. Этот найдет.

– Ваше превосходительство, – на пороге появился секретарь, – к вам полковник Еремин. Белецкий поморщился. Он не любил заведующего Особым отделом Еремина. Полковник был человеком злопамятным, завистливым и весьма карьерным. Родом из донских казаков, он сразу по окончании Атаманского училища вышел в Отдельный корпус жандармов. Особый отдел Еремин возглавил благодаря поддержке шефа Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта Курлова.

Белецкий вообще откровенно тяготился политическим сыском. Дело это было сложное, опасное и малопонятное, поэтому он тайно готовил проект о выделении из департамента жандармской службы в отдельное производство.

Полковник Еремин был сухошав, черноволос, с глубоко посаженными светлыми глазами. Белецкий с тоской посмотрел на него.

– Слушаю вас, Александр Михайлович.

Белецкий, что скрывать, побаивался Еремина. Весь служилый Петербург помнил, как в 1905 году молодой поручик Еремин устранил с поста киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Клейгольса, личного протеже вдовствующей императрицы Марии Федоровны, да о его службе в качестве начальника Тифлисского жандармского управления ходили таинственные слухи.

– Сергей Петрович, – Еремин сел, положил на стол папку, – неприятное сообщение получено из Парижа. – От Красильникова?

– Так точно.

– Что же сообщает нам милейший Александр Александрович?

– В Париже находился надворный советник Бахтин...

– Я это знаю.

– Там ротмистр Люстьих проводил операцию против Дмитрия Заварзина...

– Кажется, Студента?

– Именно. Мы решили воспользоваться присутствием чиновника сыскной полиции и задержать их как уголовников.

Белецкий поморщился. Господи, в Париже хотят действовать как в Костроме.

– Ну и что Бахтин?

– Он отказался принять участие в операции и уехал.

– Да, полковник, хочу вам напомнить, что трижды Красильников отказывал сыскной полиции в помощи, в делах весьма важных.

– Но, Сергей Петрович, ваше превосходительство, после отъезда Бахтина социалисты не явились в назначенное место, операция сорвалась.

– Так при чем здесь Бахтин? Ему вчера вне срока государь маленького Владимира пожаловал. У вас есть данные, что Бахтин не верен долгу?

– Данных-то нет. Но некие странные совпадения.

– Совпадения – это не данные.

– Весьма справедливо, ваше превосходительство, но именно из совпадений слагается некое целое.

– Слушаю вас.

– Нам стало известно, что Бахтин и Заварзин совместно обучались в Первом московском кадетском корпусе. И были весьма дружны...

– Ну и что, со мной в гимназии тоже обучались люди, ставшие социалистами.

– Это нам известно, – твердо сказал Еремин.

Белецкий никак не ожидал подобной реакции полковника. Подумать, какой сукин сын, ему известно. Директор департамента запыхал злобой.

– Но Бахтин и Заварзин, – продолжал как ни в чем не бывало Еремин, – были ближайшими друзьями.

– После корпуса они поддерживали отношения?

– Данных нет. Так как Бахтин вышел в Александровское училище, а Заварзин в университет.

– Маловато, маловато. – Белецкий встал, одернул щегольскую визитку. – Просто очень мало, полковник.

– Есть второе совпадение. Бахтин – протеже Лопухина. Бывший директор департамента был хорошо знаком с его семьей, поэтому принял участие в Бахтине.

– Так, так, так!

Белецкий сел за стол. Вот тебе и на! История Лопухина наделала много шума. Шутка ли, директор Департамента полиции выдает революционерам лучшего агента, самого Азефа. Конечно, здесь было о чем задуматься. Но реплика полковника в его адрес разозлила Белецкого настолько, что доводы Еремина, его совпадения не играли сейчас никакой роли.

– Кстати, Лопухин был гимназическим другом покойного Петра Аркадьевича Столыпина, – сказал вслух Белецкий, – вы меня не убедили, полковник, тем более Бахтин известен мне как прекрасный криминалист и усердный полицейский чиновник.

– Я могу идти? – Еремин встал.

Белецкий протянул ему руку, улыбнулся дружески:

– Не надо, не надо плохо думать о коллегах.

«Ничего, – подумал директор, глядя в обтянутую дорогим мундирным сукном спину Еремина, – пусть знает, как напоминать мне о Саратове».

В бытность свою саратовским вице-губернатором Сергей Петрович имел несколько прелестных связей с милыми дамами в Москве и Петербурге. Сведениями об этом и располагал Еремин, постоянно напоминая об этом Белецкому.

Еремин поднялся к себе на четвертый этаж, где располагался Особый отдел. Вход сюда был запрещен даже чиновникам и офицерам Департамента полиции. Это была святая святых политического сыска. Здесь лежали материалы не только по борьбе с революционными и националистическими группами. Здесь скрупулезно велись досье на крупнейших государственных и общественных деятелей, на аристократию и иностранных дипломатов и даже на членов императорской фамилии. Еремин некоторое время сидел у себя в кабинете, рисуя в настольном бюваре лошадиные головы. Это он делал в минуты крайнего душевного волнения. Потом он вызвал секретаря и приказал позвать заведующего наружным наблюдением надворного советника Платонова. Еремин высоко ценил этого человека, начавшего свою сыскную карьеру в московском охранном отделении под руководством великого специалиста-наружника Евгения Павловича Медникова.

– Вот что, Сергей Глебович, – сказал полковник, – нужна смена филеров, и очень опытных.

– Кого поведут?

– Чиновника из сыскной.

– Кого именно?

– Бахтина.

– Весьма опытный господин. Весьма. Я назначу Верного, Клешню и Гимназиста. Смотреть за ним круглые сутки?

– Да.

– Понял.

Вот и кончились погожие дни. Наступила петербургская осень. Бахтин не любил ее. Не любил мокрые дома, рябую от дождя воду каналов, мостовые, покрытые лужами, словно плесенью. Осенью его неотвратимо тянуло в Москву, с ее сбившимися в кучу деревянными слободами и заставами, в зелень дворов и скверов, на элегантную Спиридоновку и Кузнецкий, Столешников и Арбат. До чего же хорошо было получить увольнение в праздничный день. Утро. Знаменка залита солнцем, дворники сгребают листву в кучу. Низко по тротуару стелется дымок. И дымок этот, синеватый и легкий, сопровождал юнкера Бахтина весь путь по бульварам. Так он и шел через Страстную, мимо монастыря на Трубной, галдящей и кричащей Трубной, переждал трамвай, потом лукавая Сретенка и дом номер пять по Сретенскому бульвару. Как же давно это было...

Слава Богу, что дождя нет, а то совсем настроение испортилось бы. Бахтин распахнул окно, взял гири. В комнату ворвался сырой ветер. Сразу же стало холодно и неудобно. Но он начал энергично поднимать гири, и скоро тело покрылось легкой испариной. Он поднимал гири ровно полчаса. Потом, зажав чугунные шары, начал наносить ими удары. Бахтин с силой выкидывал руки, стараясь бить невидимого противника. Он увлекся боксом двенадцать лет назад, увидев в Гимнастическом обществе встречу между Млером и англичанином Мози. Бокс, завезенный в Россию в 1887 году французом Лусталло, немедленно покорила Бахтина своеобразной пластикой и тем, что этот вид гимнастических игр просто незаменим для сыщика. Так он стал посещать уроки Гвидо Мейера, перенимать у него весьма сложные сочетания ударов. Постепенно в товарищеских встречах Бахтин приобрел хороший опыт, научился легко передвигаться, а главное, спокойно и четко ориентироваться на ринге. У него отработались акцентирующие удары с обеих рук, и Мейер начал агитировать его поехать на гастроли по России. Но бокс Бахтин воспринимал как необходимое приложение к профессии.

Несколько раз в темных проходных дворах на Лиговке, на 8-й Рождественской или в закоулках Новой Баварии ему приходилось воспользоваться английской наукой. Умение нападать и обороняться без оружия, стремительная реакция, отработанная месяцами спаррингов, придавала ему так необходимую сыщику уверенность.

Каждое утро сорок минут гимнастики. Потом душ, потом завтрак и служба. Правда, иногда служба затягивается и до утра, тогда уже не до гирь.

Сегодня день нормальный. Бахтин принял душ, позавтракал, выслушав упреки Марии Сергеевны, жалобы ее на бакалейщика и мясника, оделся и пошел на службу. На улице щемяще и нежно играла шарманка. Человек в старом матросском бушлате с Георгиевским крестом и серебряной Варяжской медалью крутил ручку инструмента. Вместо левой ноги у него был вытертый до блеска деревянный протез.

Бахтин вспомнил военный парад на Дворцовой в честь оставшихся в живых матросов и офицеров «Варяга» и «Корейца». Потом в Зимнем дворце царь дал торжественный обед. Все газеты писали тогда об этой «монаршей милости». На обеде царь пообещал обеспечить всех неимущих и увечных членов экипажей героических судов. Но судя по этому матросу, благие пожелания так и остались пожеланиями.

Что делать, в стране так уж повелось, любое доброе начинание тонет в чиновничьем болоте. А деньги, отпущенные увечным, оседают в карманах делопроизводителей и столоначальников благотворительных обществ.

Знакомую мелодию играла шарманка. Это была музыка далекой юности. Может быть, катка на Патриарших прудах в Москве: скрипящий под коньками лед, розовый павильон с колоннами, теплая рука Жени в его ладони. А может быть, он слышал ее на даче в Сокольниках. Поздним вечером, когда так оглушающе пахнут цветы, а желтые шары фонарей скрываются в листве. И у Жениных губ горький цветочный привкус. Может быть. Всё могло быть.

И, отдавая инвалиду серебряный рубль, Бахтин подумал о том, что счастливым человеком может быть только тот, кто уверен, что лучшее ждет впереди. А он уже в это не верит.

Агент наружного наблюдения Верный отметил в книжечке этот случайный контакт и повел объект до входа в здание сыскной полиции.

В большой комнате уже затопили печку. Двое городских из команды тащили охапки дров. Печка весело трещала, щедро отдавая тепло, и в этой мрачной комнате даже стало немного уютней. Весело спорящие о чем-то надзиратели сразу же смолкли, как только Бахтин вошел в комнату. – Здравствуйте, господа. Где Литвин?

Он в столе приводов, Александр Петрович. Позвать? – Самый молодой надзиратель, Леня Банкин, услужливо вскочил. – Не надо, спасибо, голубчик, я сам туда зайду. Стол приводов был памятью сыскной службы. Здесь собирались сведения о всех преступниках, попавших в поле зрения столичной полиции. Здесь проводились антропологические измерения по системе Бартильона и дактилоскопирование, выработанное Главным тюремным управлением. Здесь же работал фотограф Алфимов, ученик покойного Буримского.

Начальник сыскной полиции Филиппов в отличие от Путилина считался с наукой и хотел поставить у себя криминалистическое дело не хуже, чем в Европе.

Стол приводов размещался в трех комнатах, заставленных шкафами с картотекой, приборами для антропологических измерений, секретерами делопроизводителей. В большой комнате винтовая лестница вела на антресоли, на которых восседал хозяин всего этого губернский секретарь Николай Иванович Кунцевич. Бахтин поднялся на антресоли и увидел развешанные на стене фотографии, сделанные Гензелли. Рядом с Кунцевичем и Литвиным в кресле сидел помощник начальника сыскной полиции Сергей Ильич Иноков, крупнейший специалист по составлению словесного портрета. Сергей Ильич пил чай. Ведерный самовар, дар Василеостровской части, был гордостью Кунцевича и постоянно находился в полной готовности. Следили за ним городские. Кунцевич ежемесячно менял их, чтоб не баловали. К столу были прикомандированы двадцать четыре городских из пешей роты, так что приятная служба выпадала каждому всего раз в два года. Иноков вытер платком лоб, поставил подстаканник на стол.

– Больно уж у тебя, Николай Иванович, чай хороший. Какие сорта мешаешь?

– Секрет, Сергей Ильич, главный секрет моей канцелярии.

– Всё равно узнаю, на то я всю жизнь в полиции пробегал. Но этого господина я никогда не видел, а портрет его словесный, извольте, напишу. Только зачем он вам, если дагерротип имеется? Твой клиент-то, Александр Петрович? – Иноков протянул руку вошедшему Бахтину.

Бахтин любил этого человека за честность, доброту, мужество и безукоризненное знание дела. Сергей Ильич начинал канцелярским служащим без чина в Василеостровской части, с тех пор он достиг предела, стал статским советником. Еще не генералом, но уже и не полковником. Промежуточный чин. Предел для человека без связей, криминалиста-практика. Ему уже можно было вполне подумать о пенсии, но что делать дома вдовцу? Два сына служили в провинциальных номерных полках, а больше близких не было. Так что всё время Иноков отдавал службе.

– Смотри, Александр Петрович, – Иноков встал, взял со стола указку, подошел к фотографиям, развешанным на стене. – Вот что у нас есть. Красивый, брюнет или темный шатен, глаза, видимо, светлые. На лице ни родинок, ни шрамов. Дальше. Одет дорого, но вещи не пошитые, а купленные. Теперь вопрос – где? Ну-ка, Литвин.

Литвин подошел к фотографии, долго рассматривал ее, потом ответил:

– В английском магазине, Сергей Ильич.

– Как определил?

– Видите, пиджак в елочку, это английский твид, но главное – тесьмы по борту нет и карманы накладные, пуговицы роговые, видимо, материей не обтянуты, да и сидит пиджак как влитой. А это значит, что в английском магазине на Невском специальные мастера пиджаки те подгоняют...

– Это не довод, можно любому мастеру отдать, он подгонит, – хитро прищурился Иноков, – главное?

– А главное, мы видим носок туфли. Она тупоносая, подошва двойная, спиртовая, вероятно, на носке рисунок – дырочки и полоски. Туфля это английская.

– Откуда взял?

– Сам был недавно на Невском в английском магазине.

– Никак, ты, Орест, там одеваешься? – засмеялся Иноков. – На наше жалованье только там и одеваться.

– Вот к чему я и веду. Магазин дорогой. Народу немного. Постоянные клиенты – господа из Английского клуба да промышленники, за модой гонящиеся. Сейчас Британия в моде. Вот и ты с Бахтиным английским боксом занимаешься. Смекнул?

– Тут и дураку понятно.

– То-го. Хватай дагеротип и гони в магазин. Ты уж извини, Александр Петрович, что в твои дела лезу.

– Да я вам, Сергей Ильич, только благодарен должен быть.

– Что ты скажешь, мысли-то есть какие?

– Я бы все эти убийства рассматривал вместе.

– Поясни.

– Убиты три крупнейших скупщика краденого: Гаврилов-Кровосос, Шостак-Старьевщик и Фост-Паук. Убиты из револьвера. Слава Богу, что пули при вскрытии трупов не выбросили, а передали нам.

– А зачем они нужны? – усмехнулся Иноков, – неужто веришь во всякие открытия по научной части?

– Верю, Сергей Ильич.

– Ну смотри, тебе жить, Александр Петрович. Что твоя наука показала?

– Господин Алфимов в кабинете научно-судебной экспертизы вчера под микроскопом пули те изучил, и теперь можно сказать точно, что царапины от нарезков совпадают.

– Может быть, может быть. Теперь время такое. Микроскопы, рентген, а у нас-то раньше одна лупа была да кулак. Вот и вся криминалистика.

– Ну, кулак в нашем деле вечен. Как бы далеко не ушел прогресс, а агент да кулак – два самых надежных помощника сыщика, – засмеялся Бахтин. – А если серьезно, – продолжал он, – то мне просто интересно, кому понадобилось глушить скупщиков? Мечь? Не похоже. Корысть? Так на двух убийствах вообще ничего не взяли.

– Может, ревность, – неудачно влез в разговор Кунцевич.

– По-вашему выходит, все три совершенно разных мужчины амурничали с одной дамой, у которой муж, или брат, или ами эдакий красавец. Непохоже.

– Пришел запрос из дворцовой канцелярии в отношении смерти Фоста и Гаврилова. А знаете, что это значит... Иноков многозначительно замолчал.

– Не знаете. А то, что было в 1893-м, когда убили ростовщика Мелкоянца? Тогда тоже Дворцовая канцелярия засуетилась. Оказывается, сей деятель брал в заклад у весьма больших чиновников и даже у членов императорской фамилии. Какие твои действия, Бахтин?

– Пойду в Вяземскую лавру.

– И то верно.

Литвин махнул стоящему у тротуара извозчику. Он специально отошел подальше от здания сыскной. Извозчики не любили возить полицейских, так как такса по времени за проезд, введенная постановлением Санкт-Петербургской думой с 1 января 1899 года исчислялась по времени. Днем сядоки должны были платить 60 копеек за один час. Соответственно ночью тариф увеличивался. Опытные столичные извозчики знали в лицо практически всех надзирателей и агентов летучего отряда сыскной полиции.

Подойдя к извозчику, Литвин увидел, что это Ферапонтов – агент Бахтина. Бахтин очень ценил и берег этого сотрудника. Ферапонтов был человеком хитрым, умело сходящимся с людьми, кроме того, он обладал удивительным даром уговора. Но главным талантом Ферапонтова был талант предателя. Он искренне жалел людей, которых обрекал на централы и каторги, но ничего с собой поделаться не мог.

Вот и сейчас, везя Литвина на Невский, Ферапонтов быстрой скороговоркой рассказывал о том, что слышал в трактирах и ночлежках.

– Какие-то люди порезали Сашку Чухонца, еле ушел, – начал новую историю Ферапонтов.

– А что за люди?

– Так, залетные. Сказывали в чайной на Первой Рождественской, что из теплых краев приехали.

– А кто сказывал?

– Так я ж и говорю: Семен.

– Какой?

– Буфетчик. Какому Семену там еще быть?

– Так что Семен говорил-то?

– А говорил, что пришли трое, молодые, одетые как баре. Богато одетые. По наружности никак не скажешь, что урки...

– А за что они Сашку-то били? – перебил Ферапонтова Литвин.

– Да за дело, видать, кто просто так, с трезвых глаз, всё зубы выбьет? То-то и оно.

Сашка Чухонец был весьма удачливым квартирным воров, ходившим на «доброе утро», и в блатной иерархии Петербурга занимал твердое положение. Просто так с ним сводить счета побоялись бы. Значит, в городе появились залетные, стоящие значительно выше, чем Сашка Чухонец, на блатной лестнице. Или же это были группы людей «отвязанных», то есть бандитские группы, не считающиеся с ворами.

Литвин еще раз прокрутил про себя несвязный рассказ Ферапонтова и вынес из него одно, главное, что люди те были «одеты как баре». И то, что их в чайной, где собирается практически вся петербургская хива, не знал никто. Но пока Литвин не придавал этому особого значения, так как подобных совпадений можно было набрать по городу в необыкновенном количестве.

Учителем его был Бахтин. Литвин преклонялся перед этим человеком. В Бахтине ему нравилось всё: и манера держаться, дружелюбная и вместе с тем сдержанная, и умение одеваться, и другие манеры, и образ жизни. А главное, что подкупало Литвина – смелость. Не только в необыкновенных обстоятельствах, но и перед начальством. Бахтин был независим, имел собственное суждение по любому вопросу, не боялся высказывать его где угодно.

– Приехали. – Ферапонтов остановил экипаж.

На витрине английского магазина был нарисован задумчивый джентльмен, внимательно разглядывающий Невский проспект. Лицо его было сдержанно-грустным, видимо от того, что мужчины, идущие по славному сему проспекту, одеты не в английском магазине, а Бог знает где. Хорош был магазин, и витрина была хороша. Кроме усатого красавца, на специальном возвышении лежали вещи, так необходимые уважаемому мужчине. Необыкновенно скромные, но очень дорогие седла, стеки, несесеры, трубки, бинокли, охотничьи сумки, сапоги для верховой езды, модные туфли, флаконы с одеколоном, жестянки талька... Много чего было здесь для мужчин, посещающих клуб на Английской набережной. Литвин толкнул зеркальную дверь, вошел в вестибюль магазина.

Ах, как упоительно пахло здесь медовым табаком, кожей и одеколоном. Почти весь первый этаж занимал табачный отдел, здесь, как ружья в пирамиде, переливались на свету глянцево-бока курительных трубок, здесь в кожаные футляры был насыпан «Кептон» и «Эринмоор». В углу был оборудован курительный салон, обтянутые дорогой кожей диваны и кресла,

большой круглый стол, рядом с которым вздрагивал синеватый огонь газовой горелки. В центре зала, за изящным бюро сидел помощник управляющего. Человек лет тридцати – тридцати пяти, безукоризненно одетый, с прямым пробором. Он увидел Литвина и определил сразу, что это не потенциальный покупатель, он, пожалуй, даже точно высчитал, кто этот молодой человек в штучных брюках и пиджаке из магазина братьев Кропотовых. Но была в посетителе некая презрительная уверенность, свойственная людям, облеченным властью.

Поэтому помощник управляющего, который слыл предметом подражания для всего столличного полусвета, поднялся и пошел навстречу Литвину.

– Чем могу? – Он наклонил безукоризненный пробор. Литвин достал значок.

– Я понял. – Помощник управляющего еще раз внутренне похвалил себя за прозорливость. – Чем могу?

– Кто у вас в конфекции работает?

– Пал Палыч Снежков. А что такое случилось? Наш магазин... Репутация фирмы... Может, пройдемте в кабинет управляющего?

– Не нужно. Репутация вашей фирмы останется незыблемой. Это несколько иное дело. Где бы я мог поговорить с господином Снежковым?

– Желаете подняться на второй этаж?

– А может, где-нибудь в другом месте?

– Извольте. На складе, тихо и никто не помешает.

– Пожалуй.

В темном помещении, заставленном ящиками, едва помещался невесть как сюда попавший измызганный павловский стол на гнутых ножках. На нем медный чайник, на газете был накрошен рафинад, стояли кружки с почерневшими орлами. На складе пахло иначе, рогожками, струганым деревом, самоварным дымком. Да и помощник управляющего здесь вдруг стал иным, словно стянул с себя, будто с лошади, английскую попону.

– Как прикажете величать вас? – поинтересовался он.

– Орестом Дмитриевичем. – Литвин опустил на табуретку, снял котелок.

– А меня Алексеем Степановичем. Чайку не желаете?

– С удовольствием.

– Сейчас распорядимся и английский бисквит на закуску.

Они только начали пить чай, как появился господин Снежков. Как же негодились английская визитка, стоячий воротничок, темный галстук и полосатые брюки этому типичному охотнорядскому приказчику, созданному для шитой рубахи, поддевки и лакированных сапог.

– Вызывали-с, Алексей Степанович?

Помощник управляющего поставил стакан, помолчал немного и ответил важно:

– Вот, Орест Дмитриевич из сыскной тобой интересуются. Чего натворил?

– Помилуйте, – Снежков стремительно побледнел, – мы, вы же знаете, завсегда законы блюдем...

– Ладно, – милостиво махнул рукой Алексей Степанович, – дело казенное к тебе у Ореста Дмитриевича.

– Присаживайтесь, Снежков. – Литвин достал фотографию. – Знаком вам этот человек?

– А как же-с, – радостно закричал Снежков, – приджак-с «Челендер», рост пятый, полнота шестая-с. Материал твид, без тесьмы-с.

– Так это вы пиджак признали, господин Снежков, а мне человек нужен.

– Так я и говорю. Их трое приходили, этот господин, а с ним еще двое. Купили всего по две смены. Пиджаки, туфли, галстуки, сорочки, пальто. Даже каучуковые плащи-макинтоши взяли.

– А платили как? – перебил его Литвин.

– Золотом, империялами значит.

- Они одежду забрали сами или попросили доставить по адресу?
- А тут сказать не могу. Они к немцу на подгонку пошли.
- К какому немцу?
- У нас подгоняет костюмы представитель от фирмы мистер Джонс.
- А позвать его можно?
- Конечно. Снежков, позови мистера Джонса.

Ну, что ж. Пока Литвин узнал уже достаточно много. Трое купили два полных комплекта одежды. Рассчитывались наличными. И не просто ассигнациями, а золотом. Значит, в город приехала шайка. То, что это была шайка, Литвин больше не сомневался.

На склад ввалился огромный рыжий человек, скорее похожий на матроса, нежели на портного. Он словно клещами сдавил руку Литвину, хлопнул его по спине и что-то сказал по-английски.

- Вообще-то, он не любит полицейских, – невозмутимо перевел Алексей Степанович.
- Скажите ему, что я тоже их не люблю.

Алексей Степанович перевел, и мистер Джонс вновь одобрительно хлопнул Литвина по спине, да так, что у того зазвенело в голове.

- Спросите его, знает ли он этого человека. – Литвин достал фотокарточку.

– Он его знает, – перевел помощник управляющего. Англичанин продолжал говорить. – Он говорит, что вещи он отправил в гостиницу.

- В какую? – Литвин вскочил.
- Это в книге записано, – перевел Алексей Степанович.

Через минуту Литвин знал, что вещи были отправлены в гостиницу «Гранд-Отель» на улице Гоголя. Что господа: Закряжский, Волович и Богомолов занимали два номера – первый и второй. Литвин знал, эти номера самые дорогие и стоят двадцать два рубля в сутки. Но жили они там месяц назад, о чем сказал ему портье, и съехали, не оставив адреса.

Литвин позвонил в участок и отправил в «Гранд-Отель» околоточного с фотографией, нужно было определить фамилию убийцы.

Агент наружного наблюдения Верный взял объект у выхода из сыскной полиции и опять проводил до дверей дома. Если так пойдет и дальше, то работать с таким объектом одно удовольствие. Из дома на службу, со службы домой. Уже начало смеркаться и зажгли фонари, когда к подъезду подкатило длинное темное авто. Слава Богу, что он-то не дурак, за углом экипаж припасен. Там пара казенных, похлеще любого мотора. Так оно и есть, из подъезда объект появился, уселся в авто и поехал.

Хотя улицы были пустые, но механик, затянутый в кожу, управлявший мотоколяской, не торопился. Машина неслышно бежала по набережной, распугивая клаксоном прохожих. Миновав здание Технологического института, авто свернуло к Фонтанке и остановилось, не доезжая знаменитой Вяземской лавры.

Агент наружного наблюдения Верный много слышал об этом знаменитом месте. Лаврой назывался огромный проходной двор, выходящий одним концом на Фонтанку, другим – к Сенной площади. Двор был застроен двухэтажными корпусами, забитыми шулерами, налетчиками, карманниками, проститутками. Вся столичная шпана слеталась в его темные закоулки. Здесь были игорные притоны с беспощадными правилами, здесь скупалось краденое, здесь в чистых комнатах ночлежки Титовой собирались деловые, обсуждая будущие налеты, здесь сводились счета, и трупы уплывали по канализационным стокам в Фонтанку. Сюда не заходила полиция. Случайный прохожий, попавший по ошибке в этот двор в сумерки, рисковал остаться голым в лучшем случае.

Обычно таким в участке говорили, что им крупно повезло. Редко кто чужой выходил живым из лабиринтов Вяземской лавры.

Агент наружного наблюдения Верный много слышал, но не знал до конца всей правды об этом замечательном месте. Если бы он знал, то наверняка бы не полез за объектом в зловонные арки.

Объект шел спокойно, словно не в Вяземскую лавру заходил, а в ресторан «Сиу» на Островах. Это и притупило бдительность Верного, привыкшего иметь дело совсем с иным контингентом. Политические – народ, в основном, тихий и обходительный. Он успел сделать несколько шагов, как на голову ему обрушилось нечто напоминающее стену, и он потерял сознание.

Бахтин услышал шум за спиной, обернулся, но увидел только, как мелькнули неясные тени на фоне освещенной фонарем улицы.

Что поделаешь! Лавра есть лавра. Как полицейский, то есть человек, которому поручено охранять общество, он понимал всю преступность существования подобных домов. Столичная пресса после каждого шумного убийства в этом квартале начинала бешеную кампанию против полиции. Но просвещенная либеральная общественность, корящая полицейских взятками, не могла даже представить, какие высокие имена поднимались на защиту лавры. Присяжные поверенные, произносящие на всевозможных банкетах и собраниях речи в защиту морали и закона, не знали, что закон этот бессилен перед Манусами, Рубинштейнами, Воейковыми и Мещерскими. Лавра давала кому-то ежедневный огромный доход. Часть его оседала в Царском Селе, банковских конторах, правительственных учреждениях.

Построенные в середине прошлого века, эти дома стали не просто доходными, а сверхдоходными. Всё, что запрещалось в столице, было здесь: малолетние проститутки, мальчишки-гомосексуалисты, знаменитая гусарская рулетка, опиум, игорные притоны. Мало кто из полицейских мог безбоязненно зайти сюда. Но Бахтин мог. И право это он заслужил физической силой, личным бесстрашием и справедливостью, все эти качества особенно высоко ценились у уголовников.

Много чего произошло за время его службы в этих домах. И стрелять ему приходилось, и бить. И сам был стрелян, резан и бит. Такая уж служба была у полицейского чиновника Бахтина. И теперь он шел в лавру, зная точно, что сюда уходят концы всех преступлений Петербурга.

Во дворе на первом этаже в окне горели две толстые свечки, и на подоконнике лежала девушка с копной золотистых волос.

– Красавчик, – крикнула она, – угости папироской.

Это была знаменитая Лялька Приманка. Восемнадцатилетняя девушка с лицом ангельской красоты, но, к сожалению, родилась она с врожденным пороком позвоночника и передвигалась только на костылях. Бахтин подошел, достал портсигар.

– На, Ляля.

– Ой, это, никак, вы, ваше высокоблагородие, – ахнула Лялька. – Так поздно, да на наш двор.

– А мне чего бояться-то? Я же не фраер залетный.

– Ой, – Лялька замахала руками.

Бахтин обернулся. Сзади стояли трое. Это и была простейшая ловушка. Человек подходил к окну, сзади его глушили, затаскивали в подъезд и раздевали.

– Это ты, Федор? – Бахтин старался разглядеть в темноте лица громил.

– Так точно, Александр Петрович. Мы это.

– Тебе мало Сахалина?

– Так мне чего, так в заведение направляемся.

– Это ты фраерам лепи, мне не надо.

– А что это он? – придвинулся к Бахтину один из троих. – Ты чо? А, падла? – От него противно пахло сивухой, невымытым телом и грязной одеждой. – Чо ты?!

Малый приблизил лицо почти вплотную к Бахтину. Был он молод, здоров и глуп. Видимо, недавно начал свою разбойничью жизнь, поэтому и не знал, с кем разговаривает. Его надо было учить. В лавре законы строги.

Федор и второй, кто это, Бахтин разобрать не мог, молчали. Не вмешивались. Ждали.

– Ты чо? – почти заорал парень.

И тогда Бахтин ударил. Коротко, четко, как в боксерском зале. Человек упал. Федор чиркнул спичкой, наклонился. На булыгах лежал молодой парень лет двадцати – двадцати двух, с испитым лицом и здоровым шрамом на щеке.

– Эк вы его, Александр Петрович, – почтительно произнес Федька, – лихо.

– Кто это?

– Да молодой ишо, зовут Гришка, кличка Меченый.

– Ты его, Федор, жить сначала научи, а потом на дело бери.

– Так кто ж знал, что вас встретим. – Из темноты надвинулся старый знакомец Сережа Послушник. – Молодой он, шустрый, а мы к вам всегда с уважением.

– Где Кашей?

– Откуда нам знать, ваше высокопревосходительство, – Федор даже перекрестился истово, – мы ж о нем ничего не знаем.

– Через кого товар сдаете?

– Так...

– Я спрашиваю, через кого? Ты меня знаешь, Федор, я шутить не люблю.

– Есть тут один. Новый недавно объявился. Кличка – Каин.

– Где он?

– Во втором доме, номер семнадцатый. Там у него «мельница». Только мы ничего не говорили.

Гришка застонал, попробовал встать и опять упал на землю.

– Ну и кулачок у вас, ваше высокоблагородие, чище, чем у околоточного Евграфова, – льстиво сказал Сережа Послушник.

– Слово какое для входа в «мельницу»?

– Зерно, – вздохнул Федор, – только вы...

Бахтин достал десятку, сунул Федору.

– Похмелитесь.

– Покорнейше благодарим.

В подъезде второго номера валялась на полу пьяная баба. Но лестница была относительно чистой, это было заметно даже в тусклом свете газового фонаря. Фонарь этот, вычищенный кем-то, горел мертвенным сине-желтым светом. То, что в лавре был освещен подъезд, было непонятно и тревожно. Но, поднимаясь на второй этаж, где тоже горел фонарь, Бахтин понял, что сделал это Каин, новый хозяин «мельницы». Видимо, доверенные люди привозили сюда из города чистую публику, поиграть в банчок. Бахтин стукнул тростью в дверь с номером семнадцать.

– Кто? – спросил сразу же женский голос.

– Зерно.

Щелкнул засов, распахнулась дверь. В прихожей горели свечи в канделябрах. Пахло пудрой и воском, как за кулисами в театре «Буфф». Прихожая была удивительно чистой для квартиры лавры. Бахтин побывал здесь во всех домах.

– Чего надобно? – Надвинулся на него из темноты человек.

Бахтин взял в руки шандал, поднял его. В прихожей сразу же стало светлее. У дверей в комнату стоял бывший борец Довгань, выступавший под псевдонимом Маска Смерти, три года назад его сильно порезали на Островах, цирк пришлось бросить. Пошел вышибалой на «мельницу».

- Поставь свечу, – спокойно, но жестко сказал Довгань, – а то...
- Ты меня, Леша, никак, не узнаешь? – Бахтин нащупал в кармане рукоятку нагана.
- А если и узнаю, – также спокойно сказал Довгань, – то что из того?
- А то, Леша, бывшая Маска Смерти, что я не из страхового общества «Саламандра», а из сыскальной полиции. – Уже несколько секунд Бахтин чувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Ощущение это, само по себе неприятное, усиливалось славой Вяземской лавры. И тут Бахтин понял, что вот-вот его ударят по голове, он отпрыгнул к стене, развернулся стремительно и ткнул горящими свечами в чье-то лицо.
- А-а-а, – надсадно заорал человек.
- В прихожей запахло паленым. Бахтин рванул из кармана револьвер.
- Ну, Леша, теперь я в тебе дырок наделаю. К стене! Мордой, сволочь! Руки на стену! Распахнулась дверь и из игровой комнаты высунулись чьи-то испуганные лица.
- Полиция, закрыть дверь!
- Бахтин даже не заметил, как появился в прихожей этот маленький, невидный человек.
- Ваше высокоблагородие, хозяин к нему просит пройти.
- В углу стоял человек с обожженным липом, прилип к стене Леша Маска Смерти. Всё правильно. Всё в стиле лавры. Он не совершил ни одной ошибки.
- Раз просит, пойдем.

За человеком этим невидным прошел Бахтин в комнату, в которой сразу горело несколько лампад перед иконами. Комната была пустой. Иконы и сундуки вдоль стены и острый запах нафталина. Следующая комната была похожа на гостиную в чиновничьем доме средней руки: овальный стол, покрытый бархатной скатертью с кистями, лампа под зеленым абажуром на затейливых цепях висела над ним, портрет государя на стене, громадный, похожий на замок буфет, в углу тумбочка, на ней граммофон, кресла в чехлах, на стенах картины, напоминающие Клевера, затейливый японский экран, отделанный перламутром. Бахтин подошел к тумбочке, на граммофонном диске лежала пластинка. Бахтин крутанул ручку, нажал кнопку пуска, поставил на пластинку мембрану с иглой.

- «Славное море священный Байкал...» – рявкнул мужской хор.
- Бахтин присел в кресло, предварительно вынув револьвер из кармана и засунув его за пояс брюк. На словах: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь...» в комнату вошел человек небольшого роста, сгорбленный, одет он был во всё серое, да и сам был какой-то серый, незаметный.
- Здравия желаю. Музыкой увлекаетесь? – Голос у него под стать внешности, незаметный, без явных признаков.
- Я эту песню поставил, чтобы напомнить, куда могу тебя отправить, Каин.
- За что же? Помилуйте! Да и пугать меня не надо...
- Он не успел договорить, Бахтин вскочил и рванул хозяина на себя:
- Что ты сказал, гнида?
- Бахтин с силой ударил его об стену. Упала на пол картина. С треском разлетелось стекло.
- Вы что?.. Что это?..
- Бахтин вновь взял его за лацканы.
- Слушай меня, брат мой Каин, тебе никто не поможет. Я тебя шлепну сейчас, а в руки нож вложу да объявлю следователю, что ты меня зарезать хотел. Так что ты меня не пугай.
- Так я чего, я всегда готов... Если что...
- Правильно, вот это «если» и наступило.
- Чего вам надобно, господин Бахтин?
- Значит, знаешь меня?
- А кто ж вас не знает, господин надворный советник. Мы про вас всё знаем.

– Что именно?

– А то, что со взяткой к вам не лезь. Что вы английским боксом да японской джиу-джитсой занимаетесь, что стреляете в тире два раза в неделю и что за стрельбу серебряный приз имеете.

Эти люди преклонялись только перед силой и смелостью. В их мире были свои кумиры: налетчики, убийцы, борцы, удачливые шулеры, удачливые сыщики. О них слагались легенды. Герои изустных историй награждались качествами необычайными и становились под стать героям авантюрных романов.

– Что-то я твое лицо не вижу, света мало. – Бахтин подошел к буфету, зажег свечи в канделябре. В комнате сразу стало светло.

Человек с кличкой Каин стоял у стены. Бахтин подошел и увидел, что у того дернулась щека. Нет, он не знал этого человека. И именно это поразило его. Каин был заметной фигурой уголовного Петербурга.

– Документы у тебя есть?

– Имею.

– Липу?

– Чистые.

– Смотри, если обманешь. Как твоя фамилия и откуда будешь.

– Фролов Петр Емельянович, из мещан, Московской губернии.

– Фролов, это ты шниффером был?

– Когда это было, господин Бахтин...

Да, действительно, давно это было. Жил тогда в Москве шниффер, специалист по сейфам фирмы «Бриль» Фролов, но кличка у него тогда была совсем другая.

– Что ж ты кличку-то сменил, Фролов?

– Так от профессии ушел. Умер шниффер, и кликуха умерла.

– А Каин это...

– Каин, извиняйте, что перебиваю, это меня местные прозвали. Люди темные, глупые, одним словом, народ.

– Видно, любят они тебя сильно, Фролов?

– А вас, господин Бахтин, все сильно любят?

– Твоя правда. Но тебе меня любить придется.

– Это как же понимать изволите?

Бахтин снова сел в кресло, вытянул ноги. В комнате было тихо, шум «мельницы» сюда не доносился. Горящая лампада, групповой портрет царской семьи – обстановка чиновничьей квартиры средней руки.

– Прикажи-ка, братец, чаю покрепче подать, – устало сказал Бахтин.

– Не обижайте, господин надворный советник, ром есть, выдержанный.

– Выдержанный в лавке Пузанова, – усмехнулся Бахтин.

Он позволил себе расслабиться. Главное сделано. Фролов сломлен. Дальше дело пойдет привычно, как сотни раз до того.

– Никак нет. Ром подлинный. Я к напитку этому слабость особую питаю.

– Тогда неси.

Фролов вышел, а Бахтин переложил револьвер обратно в карман. Начиналось главное в сыске – вербовка агента. Умением этим отличались далеко не все служащие сыскной полиции. Вербовка дело тонкое. Это как начало любовной интриги, переходящей потом в роман. Сложно склонить человека к сотрудничеству, но еще сложнее заставить его работать. Сломить его нравственно, поднять из глубины, из потаенных углов души самое страшное, развить в нем любовь к предательству. Многие уголовники охотно становились агентами, зная, что полиция снисходительно смотрит на проказы своих секретных сотрудников. Это, в основном, мелкое

ворье, солдаты уголовной армии. Шли на вербовку и короли преступлений, у тех планы были более сложными, сотрудничество с полицией давало им возможность свести счеты с конкурентами. Но были люди непримиримые. Читившие превыше всего воровской закон. Это были рыцари налетов и квартирных краж. Вот с ними-то и приходилось вести тяжелую нравственную дуэль.

Бахтин за долгие годы работы в полиции точно знал, что во многих живет непонятная потребность в предательстве. Ее нужно только умело развить, а это уже дело сыщика.

Фролов был прост и понятен. Он пойдет на сотрудничество из-за страха потерять свой крупный доход. «Мельницы» на Вяземском подворье, это не просто прибыль, это золотые прииски.

Чай Фролов принес сам. На подносе, умело, как это делают половые в трактирах. И по тому, как был поставлен поднос на стол, как хозяин разливал чай по чашкам, как наливал ром, Бахтин понял, кем начинал жизнь бывший медвежатник, а ныне содержатель «мельницы» и скупщик краденого. Бахтин вылил ром в чашку.

– Напрасно, – сказал Фролов, – чай уж хорош больно. Но как изволите.

Бахтин отхлебнул горячего крепкого напитка, почувствовал прилив бодрости. Старый проверенный офицерский способ. Юнкерами они очень любили пить чай с ромом, называя его грогом. Так делали их командиры, и они хотели быть похожими на них. Как теперь далеко от него Москва, дом на Знаменке, желтизна осенних рощ в Сокольниках, прелестная барышня, любившая стихи Фета.

Молодость, чистота, счастье. А теперь наган в кармане, вонючий притон и чаепитие с уголовником.

Фролов не притронулся к рому. Он и чай даже не пил. Нервно хватал из вазочки леденцы и с хрустом разгрызал их мелкими, как у лисенка, зубами. Он ждал. Зная, о чем пойдет разговор, думал о том, как более выгодно продать себя. Фролов был старым вором, он перепробовал несколько профессий – «менял масть». У него, естественно, складывались свои отношения с полицией. Он продавал, кого надо, некоторых, наоборот, выгораживал. Он знал Нерчинский острог, соляные прииски, тюрьмы Москвы, Владимира, Ростова. За свою пятидесятилетнюю жизнь он завоевал незыблемый авторитет в уголовном мире. Его боялись и уважали. И он решил не ждать. Начать первым.

– Может, вам какая помощь нужна, господин Бахтин? – хрустнул леденцом Фролов.

Бахтин поставил стакан. Вопрос был поставлен неожиданно прямо.

– Нужна.

– Так чем могу?

– Об убийствах скупщиков слыхал?

Как же не слыхать, если к нему уже приходил молодой, весьма элегантный господин и, поигрывая тросточкой с золотой ручкой, предложил платить ежемесячный оброк. Фролов уже и людей подготовил на случай крайний, а тут начали мочить скупщиков и страшновато стало ему. Поэтому и борца бывшего он в дверях поставил, и двух лихих мальчишек с наганами посадил в соседней комнате. Так что визит Бахтина подарком для него был, истинным подарком.

Но надо было торговаться свирепо, страстно, чтобы оговорить для себя условия достойные, возможность получить безбедно жить дальше под крылом у полиции. И это счастье, что пришел к нему именно Бахтин, о котором в их мире говорили уважительно и даже восторженно.

– Знаю, – после долгой паузы сказал он. – Не питерские они и не москвичи...

– Варшавяне?

– Нет, из Одессы, так мне сказали.

– Конечно, клички знаешь?

– Только одну – Красавчик.

Бахтин достал из кармана фото.

– Он?

Фролов взглянул. И подивился. Значит, правду говорят об этом человеке. Нет, сам Бог послал его к нему.

– Он один или шайка?

– Их несколько человек. Говорят, что в большом авторитете среди урок, но работает не от себя. Хозяин у них есть. Стоит за ними кто-то очень сильный.

– Не знаешь кто?

– Нет. Но думаю, кто-то из новых. Он мне предлагал работать на их хозяина. Вроде как я у него в шестерках.

– Сколько же просил?

– Пять тысяч в месяц.

– Крутовато.

– Что и говорить, господин Бахтин, люди с размахом.

– У кого они еще были?

– Да почти у всех. Сеть создают. Фирму хотят сделать – сначала всю скупку краденого в свои руки взять, все «мельницы». А потом и остальное.

– Где их можно найти?

– Не ведаю пока.

– А долго это «пока» будет?

– Так к утру, крайний срок к полудню. Этот Красавчик обещал ко мне зайти завтра, в это время, за ответом.

– Брать его у тебя нельзя.

– А зачем его брать-то? Я за ним своих ребятушек пошлю, они его и отпасут в лучшем виде.

Бахтин задумался. Дело представлялось серьезным. Он знал, что ребятушки Каина вполне могут отследить Красавчика. Но риск.

– Вы не сомневайтесь, Александр Петрович, отпасем в лучшем виде. А ваших он срисовать может, больно уж парень битый. Ну что ж, тот, кто не рискует, не побеждает.

– Хорошо. Гостиницу «Виктория» знаешь?

– Это на Казанской?

– Да. Дом 65. Буду тебя ждать в седьмом номере, в обед.

– Так у всех, Александр Петрович, обед по-разному.

– В три часа.

И снова двор этот опасный, снова темнота и зловоние. А окно-приманка горит по-прежнему. И Федор у арки из темноты выплыл.

– Ваше высокоблагородие, погодите чуток. Тут случай один случился.

– Что за случай случился, Федор?

– Никита! – крикнул Федор в темноту. – Расскажи, как дело было.

– Только я на свет не пойду, – раздалась в ответ чья-то скороговорка.

– Да говори ты.

– Так, как они, то есть их высокоблагородие в двор-то зашли, за ними фраер какой-то шасть. А тут народ всякий, без понятия. Они того фраера по голове, лопатник достали, а там карточка, что он из охраны.

– Откуда, откуда? – Бахтин шагнул на голос.

– Ты, ваше высокоблагородие, слово не рушь. Я же сказал, на свет не пойду. Стой, где стоишь.

– Да стою. Тебя, если понадобится, по голосу найду.

– Так оно и бывает. Делай доброе дело. Помог калеченому, а меня теперь в острог.

- Где калеченый?
- Да мы его на улицу снесли, на свет значит. А лопатник подобрали.
- Вот лопатник, – протянул Федор бумажник.
- Посвети-ка.

Федор чиркнул спичку. Бахтин вынул из бумажника карточку сотрудника наружного наблюдения Охранного отделения. Любопытно, что могло привести сюда филера. И почему он шел именно за ним. Совпадение? А может, штучки парижской резидентуры?

- Деньги были?
 - Не знаем, – истово сказал Федор.
- Спичка догорела, и он плюнул на обожженные пальцы.
- А револьвер?
 - Так мы что нашли, то и отдали.
 - Федор, знать ничего не хочу, но чтобы оружие было у меня к утру. Понял?
 - Как не понять.

Бахтин повернулся и пошел в арку. На улицу пошел, к свету фонаря. И удаляясь с каждым шагом от Вяземского подворья, он думал о том, что опять Бог был милостив к нему, и не этот день стал его последним. Потому что при его службе подобные встречи когда-нибудь всё равно кончатся для него пулей или ножом.

У Технологического института он взял извозчика, и пока ехал по пустым улицам, мысли о смерти постепенно уходили и ему захотелось заехать к Ирине в театр «Луна-парк». Сегодня там давали «Веселую вдову», и она наверняка пела.

Он посмотрел на часы. Нет, уже спектакль окончен, а искать Ирину за столиками он не любил, да и поклонники ее почему-то вызывали в нем стойкую неприязнь. Дома у нее, на Екатерининском канале, наверняка полно актеров, офицеров, репортеров. Там обычно гуляют до рассвета. Правда, там мог вполне быть Кузьмин. Его единственный друг. И Бахтин понял, что именно хотел он в этот вечер. Выпить и поговорить с Женей Кузьминым. Почувствовать доброту друга, а может быть, и нежность женщины, с которой встречался последний год. Бахтин служил в летучем отряде, а Кузьмин только что начал репортерить в «Биржевых ведомостях». У них даже судьбы были схожи. Кузьмина исключили из Московского лицея, где он изучал право, за то, что ударил профессора, оскорбившего его. Он тоже уехал в Петербург, но стал репортером. Теперь он вел в «Биржевке» отдел хроники, писал в журналах сенсационные рассказы из жизни криминального Петербурга и даже издал три книжки, пользующиеся успехом у читающей публики. А его очерк «Петербургские хулиганы», опубликованный в прошлом году в приложении к журналу «Жизнь для всех», по сей день служил темой для обсуждения в литературных салонах. Но тем не менее для литературной среды, для писателей-натуралистов, описывающих тяжелую сельскую долю, для молодых декадентов и солидных романистов Кузьмин был человеком чужим. Литератор-то литератор, но второго сорта. Только два человека дружили с ним. Но эти два, пожалуй, стоили всех остальных. Ему симпатизировал Борис Зайцев, да Александр Куприн крепко дружил с Кузьминым.

Бахтину несколько раз довелось быть с Куприным в одной компании, и его поразила необыкновенная расположенность писателя и искреннее любопытство к людям. У них были похожие судьбы. Оба были юнкерами Александровского училища, оба учились в кадетских корпусах, только в разных.

Бахтин очень любил его рассказы, повесть «На переломе» и, конечно, «Поединок».

Так, может быть, всё-таки поехать к Ирине? Но не хотелось ему видеть сегодня ее шумную большую квартиру, попадать в выдуманную, ночную, почти карнавальную жизнь.

Видимо, он начал стареть. Бахтин открыл дверь квартиры. В прихожей горел свет, а на полу сидел маленький пятнистый котенок. Он с интересом разглядывал Бахтина, словно собирався спросить: «А ты, собственно, кто такой? Как попал ко мне?!»

– Тебя как зовут? – Бахтин наклонился, погладил пушистую шкурку. Рука почувствовала живое тело. Котенок потерся об его пальцы.

Из гостиной вышли Ирина и Кузьмин. Бахтин увидел их и радостно улыбнулся.

– Ну где же ты ходишь, сыщик? – сказала Ирина. И Женя Кузьмин стоял рядом. И никому не ведомый котенок сидел в коридоре.

– Откуда он? – Бахтин взял котенка на руки.

– С лестницы, – Ирина подошла, погладила котенка. – Зашел вместе с нами и решил поселиться у тебя. Ты же не выгонишь его, Саша?

Котенок удобно устроился на груди Бахтина и закрыв глазки, тихо урчал.

– Куда же его выгонять-то, – усмехнулся Бахтин и вспомнил, как в детстве, в корпусе этом кадетском, ему очень хотелось, чтобы у него был маленький пушистый друг. Но детство, закованное в панцирь черного кадетского мундира, прошло в казарме, юность тоже. И вот сейчас, в сорок лет, к нему приходят радости детства. Из кухни появилась заспанная Мария Сергеевна.

– Оставим ее, Александр Петрович, больно уж кошечка ладная. А потом, у нас говорят – пестрый кот к прибыли да удаче.

– Значит, это ты принес мне удачу? – спросил Бахтин котенка и протянул его Ирине.

А потом они сидели за столом, ужинали и пили. И ночь за окном летела быстро, как авто по петербургским улицам.

Утром дежурный надзиратель передал Бахтину сверток. Бахтин развернул его и достал браунинг.

– Ну, что скажешь? – спросил Бахтин подошедшего Литвина.

– Браунинг «Модель 07», номер два, 1903 года. Им филеров вооружают. Точно, смотрите. На кожухе-затворе справа была выбита надпись «Моск. Стол. Полиция».

– А что такое, случилось чего? – поинтересовался Литвин.

– Пока нет. Владимир Гаврилович здесь?

– У себя.

Бахтин прошел в кабинет Филиппова. Начальник сыскной полиции сидел за столом и разглядывал разложенные перед ним золотые монеты.

– Александр Петрович, посмотри, какие умельцы у нас объявились.

Бахтин взял империял, поглядел, даже на зуб попробовал, поставил на ребро. Потом чиркнул монетой по стене.

– Золото, убей меня Бог, золото.

– Ты смотри дальше-то, на лупу.

Бахтин начал внимательно разглядывать монету и увидел, что буквы, идущие по кругу, чуть разного наклона. Но совсем чуть-чуть.

– Кто же «монетный двор» открыл?

– Не знаю. А золото-то пробы самой низкой. По первым признакам вроде империял, а на самом деле чистая туфта.

– Это кто-то, я думаю, ворованное золото переплавляет, а может, и песочек приисковый мешает с чем-то.

– Я одну монету специалистам-металлургам отдал, – Филиппов сгреб монету в ящик стола, – они точный ответ дадут, как это жиганье свое дело наладило. Ну, что у тебя?

Бахтин рассказал о беседе с Фроловым, о сегодняшней встрече.

– Так. – Филиппов закурил толстую папиросу. Он курил крепкий табак, запах которого был едок, как скипидар.

– Вот, значит, кто к нам пожаловал. Залетные из теплых краев. Что-то начинают они Питер-то скупать. Тебе небось Ирина-то говорила, что театр их «Буфф», и варьете, и все кино-театры на Невском покупает некто Рубин.

– А кто он такой?

– Да фукс темный. Но богатый. Его дела Усов ведет.

– Усов тоже человек со вторым доньшком, как контрабандный бидон.

– Но это пусть у градоначальника голова болит да у Городской управы. Наше дело разбойников ловить. Да ты, никак, мне что-то сказать хочешь?

Бахтин вынул из кармана бумажник и браунинг и положил на стол начальника. Тот вынул карточку охранного отделения и присвистнул.

– Где взял-то?

– На Вяземском подворье. Федоровы ребята, видать, его глушанули.

– А как филер туда попал? – Искренне удивился Филиппов. – Там же политиков отродясь не было. Или сам шел в банчок перекинуться?

– Говорят, что меня пас.

– Тебя? Да ты, никак, в социалисты подался? Может, в заграницах этих сочинения господина Маркса читал?

– К сожалению, не читал.

– То-то и оно. А я попробовал, да не осилил. Уснул. Видать, не по нашему разумению сочинения те. Ну что голову-то ломать? Напиши подробный рапорт, да и отправим в Охранное их имущество.

– А может, лучше Белецкому.

– А что, это мысль. – Филиппов засмеялся. Он представил себе на секунду лицо директора Департамента полиции.

Ровно в три в дверь постучали. Бахтин повернул ключ. На пороге стоял Фролов.

– Заходи.

Фролов вошел, огляделся. Обычный номер в гостинице средней руки, в таких обычно любят останавливаться коммивояжеры и небогатые купчики. Бронзовая лампа в виде голой девки, держащей абажур, потертая плюшевая мебель, тяжелые шторы на окнах.

– Садись, Петр Емельянович. – Бахтин открыл шкаф, достал бокалы и бутылку ликера.

– Днем-то не по-людски вроде, – опасливо покосился на рюмки Фролов.

– А мы по одной, ты меня ромом, а я тебя ликером угощаю. Они пригубили по рюмке. Фролов поставил свою.

– Справил я это дело.

– Хвались.

– Пришел ко мне Красавчик. Я ему сказал, что согласен, мол, но сумму меньшую назвал. Он засмеялся, говорит, мол, главное – договоренность, а о деньгах и поторговаться можно. На том и порешили. Я ему своего извозчика подставил. Так он довез Красавчика на Суворовский проспект в седьмой номер. Там доходный дом Старкова Елисея Ильича. Зашел Красавчик в пятую квартиру на втором этаже. В ней проживает мадам Холопова Анна Семеновна. Дама красивая, образа жизни широкого и легкого. Ее в игорных домах хорошо знают.

– Он, что же, живет там или просто заходит?

– Отношения у них. Частенько его дружки ее посещают. Трое. Дворник сказал, что молодые, хорошо одетые господа. Почти каждый день мотор вызывают с Гончарной. Там таксомоторная фирма «Фортуна». Ну и едут или в «Медведь», или в «Виллу-Родэ».

– Ясно. Спасибо, Петр Емельянович.

Бахтин достал сторублевку, положил перед Фроловым.

– Значит, расписочку написать надо? – спросил тот.

– Обязательно.

– А без нее нельзя?

– Порядок такой. Пиши, что обязуешься сотрудничать с нами, такую-то сумму получил и псевдоним твой будет Макаров.

Фролов написал, протянул бумажку Бахтину.

– А для меня какая польза-то будет?

– Живи как жил, только помни, что раз в неделю мы встречаться будем. Вот тебе мои номера телефонов: 32, 43-880 это в присутствии, а дома 36. Если что срочное, звони.

Полковник Еремин вошел в кабинет Белецкого и сразу же увидел браунинг на столе директора департамента.

– Полковник, получите вещи вашего сотрудника. Занесло его в Вяземское подворье. Кстати, как он?

– Сильный удар по голове. Находится пока в больнице.

– Способный филер?

– Один из лучших.

– Жаль, можем потерять ценного сотрудника. Вещи его и оружие изъял у громил надворный советник Бахтин, так что можете поблагодарить его.

– Непременно.

– Кстати, полковник, это что, случайное совпадение или вы посадили за Бахтиным хвост?

– Чистая случайность.

– Я так и думал. Я вас не задерживаю.

Еремин ушел. А Белецкий захохотал, он смеялся долго до слез, вспоминая каменную рожу полковника. Потом вызвал секретаря.

– Передайте начальнику канцелярии издать приказ по департаменту: надворного советника Бахтина за мужество и находчивость пожаловать тремястами рублями из моего фонда. Приказ довести до всех заведующих производствами.

Белецкий представил лицо Еремина, читающего приказ, и опять засмеялся.

В кабинете Филиппова сидели Иников, Бахтин и Литвин, заведующий летучим отрядом Кислицын и заведующий наружным наблюдением Плахов.

– Ну, как жить будем, господа? – Филиппов внимательно оглядел всех.

– По моему разумению, – ответил Иников, – надо засаду в квартире мадам Холоповой сажать. Кто пойдет?

– Надзиратель Никитин и два агента из летучего отряда, – изрек Филиппов.

– Маловато, – махнул рукой Кислицын, – люди-то серьезные. Им человека убить – что муху прихлопнуть.

– Давайте добавим трех городских из команды, – предложил Бахтин. – А у тебя, Александр Петрович, какой план-то?

– По данным секретного сотрудника Макарова Красавчик и трое его друзей почти каждый вечер ездят гулять или в «Виллу-Родэ» или в «Медведь», авто постоянно заказывают в обществе «Фортуна». Полагаю, что сегодня они будут делать то же самое. Посему в «Фортуна» посылаем одного надзирателя, за квартирой ставим негласное наблюдение. Создаем специальную группу – я, Литвин, надзиратели Токарев, Кольченко, Сомов, четверо агентов летучего отряда и городские из команды с околоточным Шалимовым. Брать всех будем на выходе из ресторана. В таксомотор сажаем Борю Ильина, он авто водит лучше любого механика.

Два варианта. Первый – взять по дороге в ресторан. Второй, если народу на улице будет много, брать ночью после ресторана.

– Лучше ночью, – сказал Филиппов, – не дай Бог, стрелять начнут, да кого из обывателей заденут, век не отмоемся. Значит, на этом и порешим.

В шесть часов вечера Усов и Рубин обедали в ресторане Кюба с председателем правления Русско-Азовского банка Дмитрием Львовичем Рубинштейном. Пожалуй, не было на финансовом небосклоне России более удачливого человека, чем тридцатичетырехлетний бир-

жевой делец Рубинштейн, по кличке Митька Катафалк. Начав обычным биржевым «зайцем», он через несколько лет стал крупнейшим биржевым маклером, а потом и организовал банк.

Крупные промышленники и банкиры: Рябушинский, князь Львов, Путилов, Манус сторонились его, презирали, но не могли не отметить бульдожьей хватки и предприимчивости молодого дельца.

Они сидели в отдельном кабинете. Обед был великолепный. Рубинштейн, выпив немного вина, закурил сигару.

– Господа, я внимательно выслушал вас, теперь прошу послушать меня. Вы, господин Рубин, хотите хранить в сейфах моего банка драгоценности на сумму миллион двести тысяч рублей. Мои служащие проверили опись. Господа, не смейтесь надо мной. Вы же не ювелир, и я могу догадаться, откуда у вас эти ценности.

– Много лет, Дмитрий Львович, мой клиент вкладывал средства в драгоценности.

– Господин Усов, до приезда в Петербург ваш клиент был владельцем посреднической конторы в Одессе с оборотом от шестидесяти до ста тысяч в год. Вычтем накладные расходы и у нас с вами получится не такая уж большая прибыль, чтобы скупать драгоценности. Кроме того, вы предполагаете положить в мой банк, – Рубинштейн налил бокал вина, шумно, в два глотка, выпил, – акций, ценных бумаг и наличности на полтора миллиона. Так?

– Именно, – ответил Усов.

– Но откуда такие деньги у владельца вновь созданной фирмы «Пегас»? Тем не менее «Пегас» уже фирма, вы скупили несколько варьете, театров и кинематографов. Это дело, это надежно, это перспективно.

– Я купил два киноателье в Москве и сам начинаю снимать фильм, – сказал Рубин.

– Это разговор. Я могу сделать вкладчиком банка вашу фирму, но такие суммы – повод для сенатской ревизии. Если вас это устраивает, господа, то тогда считаем, что мы договорились.

Рубин зло жевал погасшую сигару. Он был бессилён перед этим молодым, напористым человеком. Что мог сделать он? Хотя и то, что ему удалось уговорить его принять вкладчиком – уже большое везение. Правление Русско-Азовского банка просто не пожелало разговаривать с ним.

– И что я могу посоветовать вам напоследок, – сказал Рубинштейн, вставая, – вложите наличность в акции, ну а что делать с драгоценностями... здесь я не даю советов. Честь имею, господа.

– Сволочь, – мрачно сказал Рубин, когда дверь в кабинет закрылась.

– Нет. – Усов придвинул к себе блюдо с семгой. – Он делец рискованный, но опытный и тертый. Ты что хотел, чтобы банкиры к тебе побежали с распростертыми объятиями? Да ты для них никто. Фукс. Тебе надо деньги эти из подвала вынести, значит, покупай новое дело.

– Какое еще дело?

– Оперетка, фильма, канканчик – это не то. Мелко, не масштабно. Нужно, во-первых, благотворительностью заняться, больницу, к примеру, построить, это общественный вес, потом я веду переговоры о вступлении в долю с Обществом северо-западного пароходства, его возглавляет некто Фрейдберг. У них сейчас трудности, им наши деньги понадобятся.

– Не хочу. Слышал я о них. Из Ливавы в Лондон эмигрантов возят. Нам с тобой надо прибрать к рукам местное пароходство и все таксомоторы в городе. Входи к ним пайщиком, покупай, делай что хочешь, но это должно быть нашим.

– Теперь о Бахтине. Я, Гриш, решил его проучить на всю жизнь. И поможет нам в этом корреспондент «Вечернего времени» Ванька Манасевич-Мануйлов.

– Слышал о нем. Тот самый, из Охранного?

– Он. Но заплатить надо.

– Не вопрос. Пусть только его наизнанку вывернет.

- За это не бойся.
- Вот на том и порешили, а теперь давай закусим, не бросать же стол такой.
- Может, баб позовем? – Усов погладил бороду.
- Зови, пусть едут.

Красавчик позвонил в «Фортуну» в одиннадцать часов и заказал большое авто до утра.

Ильин, одетый в кожу, как рыцарь в черные латы, вывел машину с Гончарной и поехал на Суворовский проспект. Он гнал машину по улицам, упиваясь своим умением и скоростью. Уже пять лет, как он был членом Императорского автомобильного клуба, мечтал уйти из полиции и стать авиатором. Автомобиль был первым шагом к достижению мечты. Несколько лет назад он с трепетом душевным наблюдал полеты Сергея Уточкина, знаменитого одесского автогонщика и авиатора. В тот день он был одним из трех, желающих совершить полет с авиатором.

Высота, город, лежащий под ним, ощущение полета воспринимались как счастье, пришедшее во сне. Скорость пленяла его, авто летело по улицам столицы.

У дома Старкова на Суворовском Борис лихо затормозил и трижды нажал на грушу клаксона. Из окна полуподвала выглянул недовольный дворник и пообещал позвать городского. Ильин со свойственной шоферам простотой отправил его к матери и вошел в подъезд. Вот и второй этаж. Борис снял кожаный картуз и позвонил. Дверь распахнулась сразу. На пороге стоял Красавчик.

- А где Сергей? – спросил он.
- В больнице.
- Да что с ним?
- Ногу сломал.
- Не повезло. А тебя как зовут?
- Борис.
- Боря, тебе Сергей говорил, что будешь нас держать – не пропадешь?
- Да у нас о делах особенно не говорят.
- Это хорошо. – Красавчик хлопнул его по плечу. – Длинный язык – враг длинному рублю.

Ильин усмехнулся и понял внезапно, что, видимо, этот шофер Сергей возил шайку на преступления.

- Так что мне делать? – Ильин чуть наклонил голову.
- Иди вниз, сейчас поедem в «Медведь».

Через несколько минут в машину сели молодая красивая женщина и двое тщательно одетых мужчин.

- Гони, Боря, с ветерком.

И Боря погнал. До Большой Конюшенной добрались в рекордный срок.

- Ну, ты и мастер, – вылезая, сказал Красавчик, – нам с тобой будет о чем поговорить.

Ильин подождал, пока вся компания скроется за освещенными стеклянными дверьми и огляделся, закурил. И сразу рядом возник господин в кепочке английского покроя.

- Дозвольте прикурить?
- Их раньше возил шофер Сергей, думаю, он с ними и на мокруху ездил, – сказал Ильин.
- Понятно. Будем ждать.

Бахтин вошел в ресторан с черного хода и спросил управляющего. Через несколько минут перед ним стоял толстый, страдающий одышкой, лысый человек.

- Это вы, голубчик, Александр Петрович, а я-то думал... Что изволите, столик, кабинет?
- Спасибо, Тихон Спиридонович, я бы одним глазком из вашей обители на зал взглянул.
- Извольте, извольте.

Тихон Спиридонович, несмотря на свою комплекцию, бойко взбежал на второй этаж.

– Заходите, – пропустил он Бахтина, – вчера тоже подполковник Глобочев из Охранного заходили, так они часа два за залом наблюдали.

Комната управляющего была просторной, и иногда ее использовали как кабинет для особо важных гостей. Одна из стен была стеклянной. Ее закрывала темная плотная занавеска. Бахтин отодвинул ее. После сырой улицы, черного хода ресторана зал показался ему особенно светлым.

Созвездия красивых дам. Туалеты, драгоценности, меха. Нарядно гляделись мундиры военных. Блестело золото и серебро погон, аксельбантов, галунов.

Он заметил несколько синих студенческих тужурок. Сюда могли приходиться только дети богатых родителей, так называемые студенты-белоподкладочники. И, конечно, штатские мужчины соперничали с военными покровом фраков и сюртуков.

Тревожно звучала музыка румынского оркестра. Звуки плыли над залом. Рыдала скрипка. Сам Аки-Альби, знаменитый скрипач и дирижер, высокий худой брюнет в расшитой атласной куртке, играл соло, переходя от одного столика к другому. Зрелище это, красивое и яркое, невольно завораживало. И Бахтин, плененный им, начал следить глазами за скрипачом. Вот он наклонился к столику, за которым с поручиком лейб-гвардии Литовского полка сидела прелестная дама в голубом платье. Скрипка пела, плакала об ушедшей любви, и вдруг мелодия стала бравурнее, быстрее и оркестр подхватил ее.

Аки-Альби уже склонился над дамой в черном платье. Бриллианты в ушах и на шее, светло-русые волосы уложены просто, но именно в этой простоте и была особая прелесть. Рядом – мужчина во фраке.

И стукнуло сердце Бахтина в такт. Жарко ладоням стало. Лена Глебова сидела за столом. Единственная женщина, которую он любил. Она стала старше и еще прелестнее. Бахтин смотрел на нее не в силах отвести глаза.

А высокий румын, кумир ночного Петербурга, шел от стола к столу, играя и радуясь. Он снова остановился и заиграл какой-то бойкий, прыгающий мотив. Какую-то мелодию кабаков русского юга. И Бахтин увидел Терлецкого. Жорж сидел рядом с Красавчиком. Остальные Бахтина не интересовали. Он уже посчитал, что, видимо, здесь вся банда. Пять человек.

Ну что ж, Терлецкий. Это тебе не по окнам вагона стрелять. Сегодня встреча лицом к лицу.

Бахтин опустил занавеску и, уходя из кабинета, вдруг подумал о том, что не взглянул еще раз на Елену. И с грустью подумал, что ненависть к Терлецкому, видимо, сильнее любви. На улице к нему подошел Литвин.

– Александр Петрович, шофера, что их возил, Сергея Шохина, наши забрали.

– Хорошо. Люди готовы?

– В любую минуту.

– Ну, в любую не надо. Они только холодное начали, так что пусть расслабятся, покурят.

И потянулось время, как баржа против течения. К входу в ресторан подъезжали авто и извозчики. Нарядные люди шли веселиться в моднейший кабац столичный. Распахивались двери и выходили из ресторана парочки. Норковая шуба, черное пальто, черно-бурый палантин и сизая гвардейская шинель. Шло время. Медленно шло. Слишком.

Рядом Литвин сквозь зубы материл Красавчика и Жоржа и всю их банду подлую, и всех, кто пьет сегодня в «Медведе» и вообще ведет ночную жизнь.

– Что-то вы очень строги к людям, милый Орест. – Бахтин закурил папиросу.

Запах табака во влажном воздухе был особенно резок.

– Насколько я знаю, вы тоже не прочь посетить кабачок под названием «Капернаум» на Владимирской.

– Это рядом с моим домом.

– Зачем вы оправдываетесь, я не осуждаю вас. Я сам люблю зайти в «Северную Пальмиру».

– Починам и кабак.

– Не завидуйте. Чин дается за выслугу лет, стало быть, чем выше чин, тем вы старше. Увы, это так. Но юный подпоручик никогда не понимает и не поймет своего преимущества перед сорокалетним полковником. Чины, чины, чины. – Бахтин достал часы, нажал репетир. Динь! Динь!

– Всего два, – продолжал он, – ночь только набирает силу.

– Вы, Александр Петрович, себе наручные купите часы, – посоветовал Литвин, он задрал рукав и показал Бахтину часы. – «Мозер», и совсем недорого.

– К этой мысли надо привыкнуть. – Бахтин бросил папиросу. – Подите скажите приставу Сиротину, чтобы его городовые не высывались из дворов.

Бахтин вышел из-под арки. Оглядел улицу. Нет, им деться некуда. С двух сторон запрут Большую Конюшенную сторожевые фургоны, взятые в полицейском резерве. Все проходные дворы, все подъезды перекрыты городовыми. Лучшие агенты летучего отряда, лучшие сыщики сыскной полиции томятся в ожидании дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.